ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений Земель

Драма России. Продолжение истории

История каждой страны, подобно отпечаткам пальцев человека, в общем виде принципиально похожа на истории других стран, но при изучении ее под лупой анализа — совершенно неповторима.

За короткое посткоммунистическое время быстро и калейдоскопично сменилось несколько исторических рефлексий России: отказ от коммунистической парадигмы российской истории, отказ от перестроечной парадигмы «социализма с гуманным лицом», отказ от матричной зеркальной парадигмы классического западного либерального гайдаровского реформизма. Остается хотя бы еще что-нибудь «в активе»? За пестрым, контрастным калейдоскопом событий русской истории и ее ментальных рефлексий XX и XXI веков уже почти не просматривается единая нить понимания и смысла ни происшедшего, ни происходящего. В настоящее время, с момента начала эпохи путинско-медведевской России, на глобальном футурологическом уровне вопрос концепции или, как ныне модно говорить, «проекта» новой России остается практически открытым. Именно это открытое поле поиска «точек опоры» и будет в данной статье предметом моих рассуждений.

Почему нас это волнует

Как ни пытаюсь понять, что сейчас происходит в России, не оставляет впечатление, что в общественной жизни, в общественном сознании снова повторяется нечто уже знакомое. Создается впечатление, что, не разобравшись в одном, начинаем строить новое. Такая знакомая в истории России, особенно советского периода, картина! Официальная и вроде бы всех устраивающая позиция гласит: «Россия строит новое демократическое общество». Не получилось одно, будем строить (в смысле копировать) другое — вот такое, как у благополучных соседей. Возможно, такая упрощенная утилитарная установка и практика вполне допустимы и даже эффективны. Они, понятное дело, возникли от отчаяния и глубокого разочарования россиян, обманутых в своих лучших чувствах и идеалах

советского и раннего постсоветского общества. Но, во-первых, отчаяние и разочарование — не лучшие спутники в строительстве нового, и, во-вторых, особенно после всего происшедшего, не все столь легковерны. Не хочется снова бежать впереди очередного паровоза с неясным маршрутом. *Чубайс-реформаторы* ведь тоже строили «демократическое общество», разве что нефтяная игла у них была значительно тоньше, иначе бы, кто знает, глядишь, и построили бы. Конечно, у новых демократов, по сравнению с *горе-демократами*, положительные отличия есть, но насколько они принципиальны? У российского общества даже по прошествии уже четверти века с момента начала перестройки не прошла рефлексивная фрустрация по поводу новой исторической самоидентификации. Я, как сейчас модно говорить, глубоко убежден, что без постановки точного диагноза лечение болезни эффективным не будет. Тем более в случае, когда перед нами, возможно, больной раком. Я собираюсь говорить о вещах достаточно известных, разве что изложу их в определенной, своей логике и последовательности.

Нынче высказываться на пафосные судьбоносные темы, как в данном случае, — дело рискованное, так как народ-читатель, перекормленный еще в советское, потом и горбачевское время общими рассуждениями и пророчествами, окончательно в них разуверился и решил, что жить *по-рыбьи* и не философствовать, как премудрым пескарям, куда спокойнее, да и выгоднее. Подобный скепсис — судьба универсальных общих вопросов. Но как тогда с ними быть? Не говорить о них вообще, чтобы всегда быть частно-конкретными? Кроме подобной апатии, однако, имеет место и даже возрастает встречный, противоположно устремленный процесс. Существует не только естественная познавательная потребность, но даже, на определенных этапах, и острая социальная необходимость в общем видении проблемы. Начиная строить дом, надобно все-таки иметь предварительно какой-никакой план в голове. В случае с государством такой «план» означает создание целой философии или конституции. В идеальном случае это так, но в реальной жизни этот путь выстраивается

из многих менее масштабных шагов и шажков. И проходить его вправе каждый, кто не равнодушен к будущему России. Данную статью не следует рассматривать как дающую готовые ответы. Скорее в ней я больше ставлю вопросы и, прежде всего, самому себе — человеку, причисляющему себя к культуре и судьбе России.

В то время, как потребность россиян в новом взгляде на свою историю возрастает, постсоветская российская интеллигенция, замордованная Перестройкой, нелепой ельцинской героикой и олигархической денационализацией, настолько разуверилась в какой-либо значимости формирования нового образа России, что сразу же отменяет любые попытки вовлечь себя в подобные дискуссии. Тем не менее, размышления о судьбоносных для России вопросах для нее всегда были способом ее существования. Да и российской ли только? Вон посмотрите, почтенный Джордж Сорос только что написал книгу «Эпоха ошибок. Мир на пороге глобального кризиса» (хотя правильный перевод второй части названия «Последствия войны с террором»). С полным философским обоснованием он пророчит миру в относительно ближайшем будущем всеохватывающий кризис из-за потери Соединенными Штатами бдительности в отношении соблюдения мирового порядка, который злонамеренно нарушается Россией. «Я довольно внимательно слежу за событиями в России, — информирует бдительный финансист, — и все же был застигнут врасплох — как, впрочем, и весь остальной мир. Мы так поглощены внутренними разногласиями, что не замечаем угроз, надвигающихся извне. Мы все еще ведем фантастическую войну с террором, в то время как на горизонте вырисовывается настоящее бедствие... Западу необходимо срочно объединиться». (1) Не пугайтесь, это не большевистская листовка эпохи гражданской войны. Это — всего лишь «забота» о мире «тихого американца», миллиардера, альтруиста, филантропа и философа на пенсии, популяризатора идеи «фондов открытого общества», а также, «по совместительству», идейного, и не только, вдохновителя всех «демократических цветных революций». На обложке книги, в качестве доброго напутствия русскому читателю, редакция со ссылкой на «New York Review of Books» сопроводила опус «адекватным» пассажем: «Джордж Сорос написал замечательную, убедительную книгу... В ней особым образом сочетаются глубокое проникновение в суть рассматриваемых проблем и подлинный гуманизм». Ну, разве что «особым образом»! Чего бы, казалось, человеку не заниматься своими финансовыми вопросами, так нет — тянет пофилософствовать о России. Причем, в отличие от смятенных россиян, у господина Сороса с иден-

тификацией России проблем нет. Но уж если поиском места России в новом мире занимаются те, кто от нее далек, то тем более такое занятие пристало россиянам. Актуальность темы не исчерпывается интересом к ней зарубежных «гуманистов». Самое явное проявление этой потребности — всплески то тут, то там стихийных общественных дискуссий. Последнее явление такого порядка — «Манифест» Никиты Сергеевича Михалкова. Огромный ажиотаж вокруг них — и Никиты Сергеевича, и «Манифеста» — лишь подчеркивает то, что потребность хотя бы как-то определиться в этих вопросах не только назрела, но и перезрела. Перезрела в том смысле, что, коль правящая власть не спешит высказываться и зарылась в «важнейшие» текущие экономические проблемы (детство, материнство, ЖКХ и проч.), высказываться стали другие. Дискуссии на эти темы более активно происходят в иных, невластных сообществах — журналистов, богемном, неформалов. Бурная дискуссия в случае с «Манифестом» Михалкова и ей подобные феномены (проект 1-го российского телеканала «Имя России») показывают, что проблема начинает все больше и больше актуализироваться, «выходить в народ». Но дискуссии в народе принимают, как правило, иной, более горячий накал — с применением травматического оружия и стальной арматуры.

Этими краткими и несколько сбивчивыми предваряющими комментариями я хочу хоть как-нибудь обозначить остроту и ситуативный контекст такой, казалось бы, вполне академичной темы. Но какие еще причины, кроме публично актуальных, есть у этой темы? На мой взгляд, при всем их частном многообразии, существуют две основных. Одна, условно говоря, внешняя. Еще сравнительно недавно, всего пару десятилетий назад, большинство общих и частных проблем отдельных государств могли оставаться преимущественно лишь внутренними проблемами этих самых отдельных государств. Напротив, в наше время трудно отыскать какую-либо отдельную внутреннюю проблему почти любого самостоятельного государства, не говоря уже о больших державах, которая, независимо от желания самих этих стран, не превращалась бы в международно значимую, зримую, открытую для всех, — в буквальном смысле слова. На телевидении, в Интернете за пять минут во всех красках и без всякой цензуры вы найдете, увидите и услышите (и сравните) как живут в российском поселке на Камчатке, в голландской деревушке, бразильской фавеле или американском университете, и даже, если пожелаете, ознакомитесь с секретными файлами Пентагона или дипломатических служб. Вы можете все увидеть, сравнить и оценить. В этом смысле страны, куль-

туры, если не цивилизации в целом, становятся легко доступным объектом для публичных оценок и сравнений. Кто-то при этом неизбежном сравнении оказывается более, кто-то менее конкурентоспособным. Соответственно, сегодня, как никогда ранее, важен, даже неизбежен общий, глобальный взгляд как минимум на свою страну. Этот же аспект дополнительно усиливается тем, что с момента утраты миром коммунистической альтернативы в лице СССР в международных делах возрождается атмосфера «старой доброй» досоветской геополитической конкуренции, предшествовавшей еще Первой мировой войне.

Вторая причина обращения к теме драматической судьбы России условно может быть названа внутренней. При всей видимости успехов России послеельцинского десятилетия, меня (и, по-видимому, не только меня) не покидает чувство, что и сегодняшнее положение России — тупик, и даже более — катастрофа, или, точнее, продолжение катастрофы. Так это или нет — я постараюсь объяснить ниже, сейчас же уточню сам тезис. Нетрудно предположить, что эта катастрофа (если она есть) вряд ли является результатом только что упомянутого десятилетия, в основном она — результат более давней истории. Последние же десять российских лет, как я уже сказал, как раз, наоборот, являются даже экономически успешными (продажи нефти, рост бюджета, укрепление рубля, улучшение социального положения россиян и т.д.). Определенные и даже немалые успехи, конечно, есть. Но, согласитесь, что такое «определенные» или «немалые»? Сколько и каких успехов надо, чтобы быть достаточными для преодоления кризиса или, того более, катастрофы, чтобы страна преодолела некую «критическую точку» развала, разрушения? И кто знает, где для России эта «точка» находится? Позади? Впереди? А может, ее и не было, и не будет вообще? Примерно этот ряд вопросов кажется мне сегодня важным для большинства интересующихся. Свои рассуждения я не могу отнести к разряду строгих, «чистых» жанров — академическая или публицистическая статья, строго исторический анализ, или эссе. Возможно, что в итоге прочтения статьи у читателя возникнет больше вопросов, чем ответов, хотя такой результат был бы для моих ожиданий разочарованием. Но я рассчитываю все же на то, что в моих рассуждениях вы найдете определенную логику видения проблемы.

Сама потребность поиска новой модели, нового образа России предполагает констатацию того, что эти ее атрибуты утрачены. С такой констатацией, никто особенно не спорит, хотя сама по себе для самосознания гражданина и, тем более, нации страны, она звучит ненормально, трагично. В лучшем случае такое состояние

как для сознания, так и для государства можно воспринимать лишь как временное, требующее скорейшего преодоления и разрешения. Ясно, что лишь констатации такой проблемы недостаточно. В целом, в последующих рассуждениях меня будут интересовать три аспекта данной проблемы, с которыми соотносится три нижеследующие главы. Первый — это причины нынешнего безликого состояния России, что его вызвало — какие исторические события, кризисы или катастрофы. Второй — это аспект последствий катастрофы, если таковая имела или имеет место, насколько глубоки и необратимы ее следы. И последний, третий аспект — каковы шансы на эффективное преодоление таковых последствий, если они имеются. Конечно, каждый из подобных вопросов в отдельности заслуживает не только главы статьи, но полноценной монографии, поэтому данное рассмотрение является лишь примерным наброском поставленных проблем.

Кризис или Катастрофа?

Катастрофизм. Предыстория вопроса

Само осмысление исторических коллизий России, в свою очередь, имеет свою старую и новую историю. «Трагическая, драматичная история России» — эта и подобные ей фразы уже несколько веков звучали и звучат рефреном из уст и зарубежных, и русских мыслителей, изучающих русскую историю или просто о ней рассуждающих. Причем большинство из них эту трагичность русской истории противопоставляют, прежде всего, истории европейских стран как несравнимо более благополучной. Другая особенность такого суждения заключается в его определенной временной эволюции. На начальных, более ранних этапах, в XIX — XX веках, критическая оценка подразумевала акцентуацию несовершенства, отсталости России по сравнению с Европой, наличие у нее глубоких кризисов. Но вот в XX веке, особенно после 1917 года, эти оценки приобретают форму единодушных квалификаций состояния России как катастрофы, непоправимой и необратимой трагедии. Таким же образом часто квалифицируется и этап краха коммунизма в России 90-х годов XX века. Есть ли это различие в оценках лишь некая академическая прихоть или за ней кроется нечто более существенное?

Вопрос трагичности исторической судьбы собственной страны, понятное дело, очень болезненный для самосознания россиян. В нем много мифов, надуманного, лжи, но... есть и горькая правда. Момент субъективности, который всегда присутствует в любом историческом

межгосударственном споре, усиливается особенно тогда, когда речь идет о конкурентном сравнении отечеств. Как правило, в споре с представителем отечества-оппонента, градус критицизма в отношении последнего прямо пропорционален градусу комплиментарности в адрес своего отечества. В частности, в международной, особенно европейской, практике исторических и социальных наук послеоктябрьского периода как-то незаметно сложилось, что главным «мальчиком для битья» оказалась история и судьба России. Обязательная критика российской «недоразвитости» стала столь общим местом, за исключением отдельных случаев, что каждый историк-русист, мало-мальски претендующий на солидность, должен обязательно «вслух» произнести хоть бы несколько обличительных мантр, подтверждающих его «правильное» понимание русской истории. В отношении большинства остальных европейских стран такой устойчивой «доброй» традиции не сложилось.

Что стоит за этим антироссийским гиперкритицизмом — объективные вековые недостатки России или некие чувства и установки критиков? В некоторых, крайних случаях подоплека очевидна. Например, у ряда западных экспертов, типа Бжезинского, такой критицизм — как снятие невроза (по Фрейду). Это позиция идеологического противника, раз и навсегда определенвшегося с концепцией «образа врага». Это сегодня. Но у этой современной картины, к сожалению, имеется долгая, если не многовековая, предыстория. Уже в XVIII веке стало модным с позиций просвещения «бичевать» монархии, и делалось это не только в отношении России. В XIX веке, особенно во второй его половине, в связи с единоличным отрывом вперед Британской монархии и ее все возрастающей нетерпимости к любым масштабным конкурентам, выявление «объективных», в ее (Британии) видении, недостатков России становится систематическим и тенденциозным. Критика все более и более переходит «на личности», когда аргументами становятся не столько объективные факты истории, экономики или статистики, сколько некие безапелляционные оценочные суждения о «роковой предрасположенности» характера, ментальности и т.п. Если на ранних этапах (XVIII век — первая половина XIX века) авторы-обличители, по-видимому, были вполне искренни в своей вере в некую изначальную порочность и обреченность России, то со временем, особенно в XX веке, не говоря уже о современных «критических» политтехнологиях, в непредвзятую искренность многих новых обличителей верится с трудом.

Наиболее ярким ранним образцом обличительной антироссийской исторической тра-

диции является знаменитая работа Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», относительно которой нет резона говорить как о работе в духе европейской академической традиции XIX века, которая, к слову сказать, во Франции сплошь и рядом принимала формы сатирических философских эссе. По существу, эта работа, отчасти потому, что стала очень популярна в Европе, отчасти потому, что отвечала неким внутренним «природным» чувствам европейцев в адрес большой и непонятной страны, на долгие годы стала своеобразным камертоном западного отношения к России, в том числе к ее истории. Ничего «преступного» в такой установке усматривать не следует, ибо она есть следствие некоей естественной геополитической страноведческой конкуренции, где «каждый кулик свое болото хвалит», но чужое, если продолжить, — хаёт. Грешили этим в адрес европейских историй и наши соотечественники, достаточно вспомнить славянофилов. Правда, на мой взгляд, все они все-таки делали это гораздо более деликатно и дружелюбно, чем их западные коллеги. Я уже не говорю об истинно рыцарском благородстве в этом отношении таких наших исторических светил, как Карамзин (чего стоят только «Записки русского путешественника»), Ключевский, С. Соловьев, и других. Но были в русском отечестве и собственные, доморощенные декюстины, мало чем уступавшие западным в бичевании язв России — достаточно вспомнить Радищева, Чаадаева, декабристов, Писарева, Добролюбова, Чернышевского. Очевидно, что в основе их мотивации лежит, казалось бы, совсем иная, патриотическая установка, но по «фактуре» критики разница, судя с позиций сегодняшнего дня, невелика. О неистовой ненависти к российской монархии Владимира Ильича и не говорю. Не менее весомую, если не самую весомую лепту в формирование стереотипа о несчастной России внес вышколенный корпус идейных советских «научных марксистских» историков, идеологов и просто «партийных работников». Именно с периода большевистской критики огульное охаивание не просто России как монархии, но и русских как носителей шовинистической ментальности, держиморда, стало делом обычным не только у большевиков-коммунистов, но и у западных аналитиков, охотно подхвативших это большевистское «ноу-хау». Именно в новой Советской России неистовое обличение отсталой реакционной монархической России было любимым занятием всех — от пионеров до академиков. «Красные» историки в этом отношении перецегаляли, пожалуй, что и де Кюстина, и самого Бжезинского. Аналогичную вышеописанной, почти зеркально отображенную картину критического образа России мы обнаружим и в художественной лите-

ратуре, как западноевропейской, так и русской. Но о ней был бы уже другой разговор, здесь же мы попытаемся остаться в рамках образов око-лоисторического знания.

Казалось бы, единая установка в негативной критической оценке истории России значительной части представителей общественно-исторического знания должна свидетельствовать о ее истинности и объективности. Напрашивается оценка: «И правильно критиковали, есть (то есть было) за что! Действительно — ужасная, реакционная монархическая страна!». Однако, вспомним, что эта критическая линия (не забудем, правда, что была и другая — позитивно-комплиментарная) благополучно разрешилась в пользу критиков: требование устранения «реакционной монархии» были удовлетворены в октябре семнадцатого. И что же? И стало ясно то, что «ужасная, реакционная и бесчеловечная» Россия, при всем естественном наличии недостатков, БЫЛА НОРМАЛЬНЫМ ГОСУДАРСТВОМ! Нормальным для своего времени, нормальным по сравнению с тем, что дали взамен, нормальным даже по сравнению с тем, что имеем сегодня. Представьте себе такой мысленный исторический эксперимент, в духе эйнштейновского — с падающим лифтом: попадают Радищев, Герцен и Чернышевский из «реакционного царского режима» в Россию «светлого будущего», за которую они «проливали кровь», скажем, — в 1937 год, в адекватное для них как борцов с режимами место — в Бутырскую тюрьму (не худшее место по тем временам). На этом мысленный эксперимент заканчивается... Впрочем, я представляю, с какой ностальгией за минуту до мученической смерти многие из них, особенно Чернышевский, вспомнили бы, наверное, свои «родные» царские застенки. «Эксперимент», как и в случае с «падением лифта», доказывает, что «все относительно». Названным выше отечественным героям в подобном эксперименте в действительности участвовать не «посчастливилось», а вот 130-миллионной стране — пришлось...

Многие, очень многие видят и видели трагичность судьбы России в непрерывной кризисности. В многообразии видения трагедии России можно выделить несколько главных подходов к объяснению ее причин. Первый — обозначим его так — скорее мистический. Непрерывные несчастья России — это ее *fatum*, судьба, предопределенность. С научной точки зрения, такой подход не является предметом анализа, так как мистическая апелляция — это даже не вопрос веры, и уж тем более — доказательства. Второй подход — этногеографический, очень распространенный и один из основных. Тоже имеет элемент изначальной предопределенности, подразумевающий влияние таких факторов,

как необъятная география России, национальный характер, психология россиян. Третья точка зрения — часто она излагается как следствие факторов второго подхода — отсталость экономической, политической системы, гражданских институтов и т.п. Еще один подход к объяснению трагичности судьбы страны сводится к религиозной тематике — изолированность, архаичность, неререформируемость, реакционность ортодоксальной православной церкви как причина всех бед. И, наконец, последний, который, в частности, в наибольшей степени привлекает меня в этой статье, — историко-событийный подход, в котором трагичность российской истории рассматривается как результат и следствие отдельных ее судьбоносных исторических событий или их сочетаний.

Понятно, что, говоря о столь сложных явлениях, как исторические процессы, выделение в «чистом» виде отдельных подходов, в некоторой степени условно. Но с этим приходится смириться — такова судьба любого гуманитарного анализа. Аксиоматическая математическая точность здесь невозможна, ибо объекты исследования гораздо более сложны, чем «точка и прямая на плоскости». В то же время, при известной доле условности выделения этих подходов, они тем не менее отображают фактические различия, подчас противоположные видения русской истории. В данной статье сколько-нибудь подробно рассмотреть все перечисленные подходы мне не удастся, и потому наибольшее внимание я уделю историко-событийному, остальные затрону лишь в той мере, в какой они соприкасаются с выбранным. Замечу лишь, что выбор мой не случаен, и, в моем понимании, лишь в его рамках таится возможность хоть сколько-нибудь вразумительного ответа на большинство поставленных в начале статьи вопросов.

При всех упомянутых выше отличиях точек зрения историографов и политологов XX века в оценке России, в одном, главном аспекте — признании катастрофичной трагичности русской истории, пусть и различным образом — они сходятся. Это утверждение в адрес России звучит, как приговор, но оно давно уже стало общим местом и его мало кто оспаривает. У меня эта оценка как констатация факта катастрофы, как самому ни печально, тоже не вызывает возражений, и я не собираюсь ее опровергать. Другое дело — ее историческая локализация и выяснение содержания. Когда, в чем, каким образом эта катастрофа проявилась? Что следует из факта признания таковой? Например, и Ленин и, скажем, Солженицын, наверняка, согласились бы с тем, что Русская история трагична, но подразумевать они будут абсолютно противоположные смыслы. Или другое: с точ-

ки зрения европейской — у нас катастрофа, а с точки зрения наблюдателя из Бангладеш у нас — процветание. Интуитивно всем нам примерно понятно, о чем идет речь, но весомость и значимость этого вопроса стоят того, чтобы попытаться разобраться в нем более подробно.

Понятия. Что есть что?

Для упрощения задачи прояснения смыслов перенесем главный акцент с несколько метафорических театроведческих слов «драма» и «трагедия» на понятия «кризис» и «катастрофа», их семантика более подходит для нашей задачи. Элементарное различие понятий «кризис» и «катастрофа» понятны каждому. Кризис — это некий преходящий, временный, относительный упадок. Катастрофа — это необратимое разрушение, уничтожение, переход в небытие или почти небытие. Значения и смысл обоих понятий можно отождествлять, подразумевая в них лишь различие эмоциональной окраски понимания, но тогда, по существу, теряется и само их смысловое различие. Вообще-то, семантическая интерпретация смыслов — вещь крайне субъективная и произвольная. Я в данном случае не стремлюсь найти единственную, формально-логически верную дефиницию, но лишь уточняю значения на уровне логики здравого смысла и утверждаю лишь то, что данные два понятия я понимаю таким образом, как их определяю. Уверен, что такая их интерпретация по сути близка к их истинному смыслу.

Именно необратимость разрушения есть отличительная особенность понятия катастрофы. В данном случае я интерпретирую катастрофу как необратимый кризис, такой, который заканчивается прекращением жизнедеятельности какого-либо организма или системы, как синоним понятия «гибель, смерть». Понятно, мы не предполагаем в нашем случае под катастрофой природный катаклизм, но нечто аналогичное, относящееся к социуму в широком смысле слова. Это различие понятно нам даже на социальном микроуровне. Есть большая разница, скажем: кризис у вас в семейных отношениях или, как у Карениных, — катастрофа? Или, говоря о планетарных катастрофах, мы, как правило, подразумеваем если не полную гибель планеты или галактики, то, по крайней мере, прекращение какого-то определенного цикла их существования. Тем более драматична ситуация, если речь идет о стране, государстве, нации. Необратимость, нарушение естественного развития, разрушение целостности, смертельная аномалия есть не только невозможность возврата к дореволюционной России, но, вероятно, и невозможность

возврата к цивилизованному, нормальному устройству страны вообще.

Какое же из этих понятий (или оба) применимо к России, и какое это имеет значение? Значение это имеет такое, что если одно из них — катастрофа — имела, имеет, или будет иметь место в обозримом будущем, то уже одного этого достаточно, чтобы об этом, по крайней мере, знать или задуматься. Но если не делать даже этого (знать или задумываться), то тогда общество, к которому это относится, будет напоминать одну трагикомичную аллегория Серена Кьеркегора, изложенную в одном из его произведений. Представьте, что во время спектакля в театре на сцене случается пожар, однако публика воспринимает происходящее как элемент постановки и, несмотря на все предостерегающие увещевания актеров со сцены, невменяемо продолжает аплодировать, что влечет за собой неизбежные трагические последствия. Тогда, в середине XIX века, Кьеркегор на языке этического трактата, как мрачное предостережение, адресовал эту аллегория европейцам. А другой знаменитый скандинав Эдвард Мунк то же самое, только в живописной форме, выразил в знаменитой картине «Крик». Впереди Европу ждали две мировые войны, унесшие около шестидесяти миллионов жизней. Да и век советской действительности не многим отличался от сюжета этой аллегории, а по части заседаний съездов КПСС так, пожалуй, ничем. К сожалению, в истории человечества социальные катастрофы случались и случаются гораздо чаще, чем тому же человечеству хотелось бы. Не сосчитать империй, больших и малых государств, существование которых заканчивалось катастрофой. Хотя, по-видимому, многим из них до последнего момента казалось, что происходящее с ними — все-таки преодолимый кризис.

Подытоживая рассмотренные выше различные критерии и аспекты понимания Русской революции как катастрофы России, хочу обратить внимание на «структуру» этой катастрофы. Если быть более точным, то следует говорить о двух катастрофах — свершившейся и продолжающейся. Свершившаяся во всей ее полноте и завершенности катастрофа — это гибель дореволюционной России во всем ее исторически сложившемся специфическом и неповторимом облике, который в первую очередь определялся спецификой уклада русской жизни. К этой России, при всем желании, возврата нет не только сейчас, но не было уже на момент завершения коллективизации: к этому моменту успели уничтожить практически все. Никакое текстовое, научное или даже художественное живописание этой трагедии не в состоянии полностью передать весь ее масштаб и глубину. Последующие

советские «преобразования» во многом заслонили и затушевывали ее подлинный облик, для этого, к тому же, прилагалось немало усилий. Трагические эсхатологические пророчества для той, старой России обрели свое смертельное обличье. Для современной Пятой Республики Франция образца 1917 года тоже безвозвратна, но по другому, примерно так, как для зрелого дерева невозможно обернуться саженцем. Продолжающаяся катастрофа России (или второй этап катастрофы в целом) — это континуум существования послереволюционных «остатков» России с уродливыми дополнениями продолжительной советской и ранней постсоветской эпох, включая Перестройку и ельцинское правление. К моменту полного завершения революционной борьбы и осуществления коллективизации, уничтожившей остатки крестьянства «как класса», на территории бывшей России возникает, через разруху, уже другая страна: другие люди, другая экономика, другая армия (особенно армия), другая полиция, другая молодежь. В контексте этого этапа лишь только остатки материальной культуры (здания, книги, ноты, фотографии) и, частично, природа были из той старой, русской Атлантиды. Ее не вернуть — никогда.

Однако оказалось, что второй этап российской катастрофы, к всеобщему мировому и даже российскому изумлению, завершился. Начавшись с невиданной кровавой революции и истребив 80% потенциального российского населения (по дореволюционным расчетам Дмитрия Менделеева), коммунистический проект символично — на рубеже веков — прекратил свое существование. Сегодня пока еще трудно сказать, в каком точно году, на ком конкретно остановился этот «идеологический каток» — в 1984-м, в 1991-м, в 2000-м? На Горбачеве, Ельцине или Путине? Как конец идеологии и, по крайней мере, формально, как юридическое возрождение России, очевидно, в 1991-м, на Ельцине. Но само начало нового этапа — 90-е годы, в свою очередь, также оказались если не второй катастрофой, то уже почти катастрофой, хотя сторонников интерпретации этого этапа именно как катастрофы более чем достаточно. Потрясения 90-х были столь велики, что Россия как государство в совокупном современном понимании практически оказалась отброшенной к нулевой точке социального состояния. Ей, как обществу, фактически следует начинать с азов: выбора социально-политической устройства, выбора основ (пока что именно основ) экономической модели, даже «перезагрузки» своей культурной модели. Все перечисленное необходимо начинать выстраивать заново по той причине, что все монархически-дореволюционное за четыре поколения утрачено и забыто, а вновь приобретенное за эти же четыре

поколения только что самими же россиянами и отброшено. Сказанное, конечно, не абсолютно в том смысле, что — да, кое-что осталось и кое-кто во что-то верит, но в целом — разруха. В этом тезисе нет оценки, это — скорее, констатация факта.

Приход к власти Путина и выстраивание при нем впервые после 1917 года какой-то определенной российской системы в чем-то изменяет процесс и, возможно, позволяет говорить о начале третьего этапа, принципиально отличного от советского. Но даже если это и так, одно несомненно — он пока что полностью еще находится во власти проблем и задач, характерных для советского строя послереволюционного этапа. По-другому и не может быть, ведь он имеет дело все с той же страной, которую за 75 лет правления создавали большевики. Другой, старой, дореволюционной России просто нет. Поэтому пока что нет оснований говорить, что угроза последнего этапа катастрофы снята. Россия по-прежнему живет в ее тени, доживает катастрофу. Трудно ответить на вопрос: «Исчерпан ли ресурс России пережить катастрофу?». Но пока существуют сомнения в том, что катастрофа победила, надежда на ее преодоление остается.

Народ любой страны собственную историю считает самой драматичной и уникальной. В одной лишь Европе — Балканские страны, Польша, Германия, Австрия и другие — кто только не претендует на эту роль. Естественно, претендует на нее и Россия. При этом в отношении России выражения сочувствия по поводу трагичности ее истории звучат чаще, чем в адрес любой другой европейской страны. В Азии на этот счет у России больше конкурентов.

Завершая данный блок размышлений, попробую более сухим языком подытожить главные существенные признаки понятия катастрофы в применении к России. Они, на мой взгляд, таковы:

Разрушение материальной, хозяйственной, человеческой, культурной и других сфер жизни русского общества было *всеохватывающим*. Не осталось ни малейшего географического уголка огромной страны и сферы жизнедеятельности, которые не подверглись бы разрушению. Это был «нормальный», согласно теории и программным установкам большевиков, процесс — старый мир необходимо было разрушить.

С точки зрения убыстренной динамики социального развития XX века, это разрушение носило крайне *продолжительный* характер. Три четверти века, четыре поколения россиян оказались далеко в стороне от мирового тренда развития стран-лидеров.

Роковая катастрофа носила *непрерывный* характер. Нормальных естественных интервалов

развития страны без войн, без революций, без репрессий, без голода, без авралов строительства и восстановления практически не было. Даже самые мирные периоды 60-х — 80-х годов всегда, тем не менее, были полны такими революционными приключениями — Карибский кризис, денежная реформа, государственные займы, Афганская война, — которые другие страны сочли бы за конец света.

Крайне негативные разрушительные процессы были *интенсивными и глубокими*. Все совершавшееся принимало крайне гипертрофированные, максимные формы, в том числе в моральном аспекте — начиная с садистского убийства царской семьи, зверств Гражданской войны, концлагерей и репрессий и заканчивая тотальным идеологическим контролем, извращенной моралью и даже разграблением собственного культурного наследия (картины, книги, музеи). Все совершаемое осуществлялось в крайних формах: расстрелять — так миллионы, репрессировать — так полстраны, облигации госзайма — так чтобы каждому; коммунист, комсомолец — так чтобы каждый. Умеренных, средних степеней эта система не предполагала.

Благодаря большевизму и его идеологии послереволюционный процесс существования России, будучи тоталитарным, приобрел такие крайние негативные разрушительные характеристики, что, по-видимому, стал необратимым, превратившись тем самым в роковую смертельную катастрофу. Мы не можем сегодня определить, имеется ли еще у России тот критический остаток страны, материальных и человеческих ресурсов, которых будет достаточно, чтобы за какое-то, относительно небольшое время сравняться с подобными себе по статусу странами Европы и мира.

Было бы идеально, если бы какой-либо математический гений мог бы математически точно, по чудесной формуле посчитать этот плачевный итог коммунистического «развития» России. Но, к сожалению, очевидна иллюзорность подобных фантазий. В то же время, даже без таких математических расчетов, мы вряд ли ошибемся, если будем утверждать, что этот процесс являлся катастрофой России.

Во всей этой давней истории катастрофического статуса Российской истории, особенно у большевиков, как-то само собой подразумевалось, что роковая отсталость и реакционность дореволюционной России столь очевидны, что доказывать их, как виновность «по Вышинскому», особенно и не требуется. Сегодня, когда большевистские шоры с исторического взгляда России на свою историю наконец-то сняты, или почти сняты, можно попытаться, пока еще лишь «сквозь туман» долгого забвения, впервые вгля-

деться в смертельные очертания силуэта этой катастрофы. Необратимость, нарушение естественного развития, разрушение целостности, смертельная аномалия, но при этом — не столько невозможность возврата к дореволюционной России, сколько невозможность возврата к цивилизованному, нормальному устройству страны. Однако от интерпретации лишь понятий обратимся, пусть и вкратце, к историческому контексту.

Немного истории

Наиболее часто в качестве основных кризисных событий русской истории называют три: монголо-татарское нашествие, Смутное время и Русскую революцию с разными акцентами («февральским» или «октябрьским»). Исходя из такой интерпретации, среди неосновных кризисных событий оказываются и призвание Рюриковичей (как следствие неспособности русских племен собственными силами преодолеть внутренние распри), и правление Ивана Грозного, и Отечественная война 1812 года, а также Крымская и Японская войны, Революция 1905 года, восстание декабристов, правление Петра, Первая и Вторая мировые войны. Как видим, панорама событий, претендующих если не на катастрофу, то на кризис, очень обширна и многолика. Какое из этих событий (или их группу) можно назвать в качестве необратимой катастрофы, которая до сих пор сотрясает Россию, и, как многие полагают, окончательного и трагического завершения которой остается ждать недолго? Или, может быть, все они были всего лишь преодолимыми кризисами разной степени сложности, и ни о какой губительной катастрофе не может быть и речи? В рамках столь краткого рассмотрения мы не сможем сколько-нибудь полно сопоставить каждое из этих исторических событий друг с другом в сравнительной последовательности. Полагаю, нам это и не понадобится, ибо, возможно, правильный ответ может быть найден и в более кратком сравнительном анализе.

Все упомянутые кризисные моменты Русской истории неодинаковы как по глубине потрясений, так и по материальным и человеческим потерям. Более того — даже не все из них однозначно имеют отрицательную оценку с точки зрения влияния на общее состояние страны. Например, правление Ивана Грозного, Петра I или обе Отечественные войны — эти четыре события, при всем их драматизме и разрушительном эффекте, несли в себе, каждое по-разному, немалый позитивный и исторически утверждающий элемент для России. Так, правление Ивана Грозного сопровождалось, пусть и тяжелейшим образом, стратегическим укреплением Российской

государственности, расширением территорий, разделением светской и религиозной ветвей, усилением международного статуса. Аналогично с эпохой Петра I, но с еще большим числом положительных для России итогов правления. Хотя даже в нашей отечественной историографической литературе и правление Ивана Грозного, и Петра нередко оцениваются именно как катастрофы, на века подорвавшие естественное развитие России. Мнения в отношении Крымской войны и войны с Японией в начале XX века как о проигранных войнах, так или иначе связанных с кризисным в те периоды состоянием России, не вызывают больших разногласий, но даже в данном случае речь все-таки идет о тяжелых кризисах, но не о необратимых катастрофах. Мощный позитивный задел, созданный в России в правление Александра II, не ослабленный существенно в короткое правление Александра III и в период слабого правления Николая II, подхваченный правительством Столыпина, позволял России смотреть в будущее с вполне оправданным оптимизмом. Даже неполных знаний по русской истории достаточно, чтобы представить на момент окончания Первой мировой войны совсем иной сценарий для России — когда она по итогам войны, вполне реально должна была оказаться на Версальском конгрессе в числе наиболее уважаемых, главных участников-победителей, и когда, вместо невероятного сокрушительного краха «прогнившей монархии», Россия была в пяти минутах от блестящего триумфа. Но вот эти «пять минут» Великой октябрьской и стали тем самым поворотным пунктом.

Вряд ли найдется сегодня такой эксперт, который бесспорно докажет, что дореволюционная Россия была настолько кризисна по сравнению с другими государствами Европы, что ее гибель в 1917 году была бы очевидно предрешена. «В общих чертах, в 1914 году политическая, экономическая, социальная и интеллектуальная трансформация России открывала перед страной оптимистические перспективы... Во всех областях «скачок» был налицо. В этом отношении первые 15 лет столетия представляли собой разительное отличие от конца XIX века», (2) — таково мнение о России этого времени одного из крупнейших исследователей российской истории Элен Каррер д'Анкокс. Возражу лишь, что и конец XIX века не был для России столь мрачным, как это полагает госпожа д'Анкокс.

Даже в этот, сравнительно благополучный исторический период Россия, по сравнению с наиболее передовыми европейскими странами, во многом и серьезно отставала, но, в целом, Россия была также вполне сопоставима, а в чем-то и вполне на равных с ведущими государствами Европы. *Это, таким образом, означает, что*

все предшествовавшие в ее истории драматические коллизии были не более чем преодоленными кризисами. На подходе к Февральской революции Россия сохранялась единой целостной системой, государством со всеми своими, тесно связанными между собой атрибутами — территорией, экономикой, армией, политическими и гражданскими институтами, структурой населения, укладом жизни, культурой, образованием, наукой, религией, искусством, литературой, традициями, психологией. Все предыдущие столетия (особенно в романовское трехсотлетие), при всех фрагментарных кризисах, шло расширение территорий, рост экономики, рост населения, развитие культуры. Эти параметры легко обнаруживаются в соответствующей статистике и фактологии. За все предреволюционные эпохи не произошло никаких катастрофических «фазовых переходов», после которых Россия потеряла бы «свое лицо», перестала бы быть целостной, узнаваемой страной. Если бы было иначе, то к Февралю она либо не пришла вовсе, либо пришла бы, по крайней мере, не с той русской культурой, которая и по сию пору является, на мой взгляд, эталонной в истории Нового времени Европы. Не может страна с самой развитой культурой считаться недоразвитой, пусть даже в экономике она и не на первых позициях. Скорее я соглашусь с обратным. Это вопрос критериев, которые задавались странами с развитыми экономикой, вернее отдельными их представителями. Единственная историческая оговорка для России в данном контексте — это эпоха Петра I, в которой многие исследователи видят ту самую смену облика России от традиционного православного к западному европейскому. Кратко возразить им можно в том плане, что если это даже и имело существенное влияние, то впоследствии ситуация выровнялась, и к началу XX века Европа по-прежнему, воспринимала Россию, мягко говоря, не вполне как Европу, и, стало быть, вестернизации не произошло.

Определенная тонкость этого вопроса заключается в том, что одного лишь наличия минимального набора некоторых (пусть и главных) признаков государства — территории, населения и армии для охраны границ (все, что только и осталось впоследствии после Октября), — недостаточно для того, чтобы отрицать наличие катастрофы. Надо иметь нечто большее — большую насыщенность и наполнение, как это было в случае России до 1914 года, чтобы претендовать на статус цивилизованной страны. И дело даже не только в том, что уже в 1914 году началась война, и она, как и для всех остальных стран Европы — участниц войны, не способствовала улучшению экономического и социального положения, но в том, что даже эти, произошедшие с началом

войны изменения еще не изменили в принципе той полноты и целостности страны, о которых я говорю.

Представленная таким образом краткая панорама событий русской истории, предшествовавших большевистской революции как кризисных, но не катастрофических, руководствуется критерием позитивного совокупного роста, наличия и усиления такого набора необходимых атрибутов национальной государственности, которые обеспечивают ей состояние органичной целостности. *Наличие этой целостности страны перед Октябрем семнадцатого и есть подтверждение, если хотите, доказательство отсутствия катастрофы во всей истории России предоктябрьского периода.* И наоборот, исчезновение в ходе какого-либо исторического катаклизма этой полноты и целостности означало бы ту самую необратимую катастрофу как прекращение существования России как самобытной цивилизации. Это есть, в определенной степени, если не исчерпывающий критерий, то, по крайней мере, необходимое условие неотожествления вышеперечисленных событий с катастрофой.

Преходящих больших и малых кризисов и состояний «на грани катастрофы» может быть более, чем одно (так как они преодолимы), но вот катастрофа в истории страны, как мы ее определили выше, может быть только одна, так как после нее уже нет будущего для данной страны, нации, культуры, или, если продолжение даже и имеет место, она есть нечто принципиально иное, выпадающее из привычного геополитического культурного «места» данной страны.

Именно Октябрьский переворот с его кратковременными событиями «до» и еще в большей степени «после» стал той исторической катастрофой, роковым рубежом России, который повлек за собой необратимые негативные разрушающие последствия и который отделил Россию живую от России умирающей. Захват власти большевиками мгновенно повлек за собой разрушение той целостности, которая сохраняла Россию Россией.

Марш несогласных

Как известно, сторонники коммунистической историографии России оценивают это событие с точностью до наоборот. Но когда речь идет о предреволюционных экономических и даже политических характеристиках России, то у всех сторонников обличительной точки зрения всегда просматриваются одни и те же набившие оскомину аргументы, один в один совпадающие с таковыми из учебников истории СССР и истории КПСС. Помните: монархический (стало

быть, отсталый) режим, неразвитая промышленность, отсталая армия, отсталое, еще совсем недавно крепостное, крестьянство, даже противоречия национальных окраин, плюс война, к которой Россия якобы была не готова. В итоге — вот вам и «слабое звено в цепи капитализма». Как тут не произойти революции. Правда, всю эту «стройную» объяснительную «теорию причин революции» выстроили уже потом — в 1930-х — 60-х годах, в щедро изданных фолиантах вождей и их «обслуживающего персонала». В период собственно революции вся теория этого вопроса (как, впрочем, и других) в виде кратких обрывочных заметок в блокнотах и на обрывках школьных тетрадей находилась у вождя революции в карманах его пиджака.

У многих западных историков такие, как ни странно, с революционерами совпадающие клише также очень в ходу. Одновременно Запад как-то забывает, что у него самого существуют сотни авторов, которые критикуют у коммунистов эти же взгляды (в частности, о «необходимости социалистической революции») как «большевистские» (каковыми они на самом деле и являются). Такой «парадокс»: Запад критикует предреволюционную Россию за те же «язвы», что ложно критиковали и большевики-коммунисты, а потом критикует большевиков за их теорию «неизбежности социалистической революции». У этой мировоззренческой «путаницы» есть свое очевидное объяснение с далеко идущими последствиями. Дело в том, что Запад в этой двусторонне-противоречивой критике вполне логичен и последователен. Суть не в том, что он *противоречиво* критикует, но в том, что он *критикует*.

И дореволюционная Россия, и большевистская революционная Россия, и послереволюционный СССР, а теперь и посткоммунистическая Россия — для него это все один и тот же субъект, один и тот же геополитический конкурент, враг.

Поэтому для Запада критика всех исторических ипостасей России именно как российских гораздо более приоритетна, чем критика за ее «прегрешения против истины». Ибо сегодня и предмет, и методы, и накал критики в адрес России, которая все-таки уже не коммунистическая (что сам Запад на всех официальных уровнях как бы признает), ни в чем и ничем не изменился по сравнению со временем «холодной войны»: та же «военная угроза миру» (поэтому и третий «район» в Польше), те же «несвободные выборы», те же «права человека», та же «темница народов», тот же «колпак КПБ», те же «русские шпионы» и то же русское бескультурье и пьянство. Одним словом, как была тоталитарной империей (а это нехорошо!), так и осталась. Так и хочется попросить чего-нибудь новенького. Да,

забыл, — есть «новенькое», — «угроза энергетической безопасности Европы и мира»!

Но если все «так», то тогда заявите официально, что никакой «новой» России нет, а есть все тот же тоталитарный СССР. Запад, правда, свою критику в адрес уже четверть века как новой России называет критикой «несовершенной демократии». Поразительно только, как в России еще находятся думающие люди, которые все эти «уроки демократии» вообще слушают и не догадываются, «про что» речь.

Дело еще и в том, что советский и постсоветский периоды России создали для Запада (извиняюсь за каламбур) западню. Запад настолько увлекся своей перманентной маниакальной и давно уже примитивной критикой всего российского, что не заметил того, что его уже слушают и, более того, могут ответить. К этому он, как показывает реакция даже на путинские афоризмы, совсем не был готов. Но Запад, по крайней мере, можно как-то понять — ведь очень хочется исторически конкурирующую геополитическую парадигму на Востоке представить в незавидном, безнадежном виде.

Более того, и в старой советской России, со времен советского, как нам казалось, диссидентства, и в современной России, — в лице его (диссидентства) продолжателей, «теоретиков» демократических социальных концепций (которых у них никогда и не было, кроме десятка расхожих демократических фраз, — а откуда им быть, ведь не ученые) Немцова, Каспарова, Касьянова, Венедиктова (больше поди, не считая Лимонова, и не набирается), — есть своя, «пятая, демократическая колонна» борцов с пороками России, ничем не отличающаяся от своих западных собратьев «по перу», да, наверное, и по финансированию. Тех, кого шокируют такие радикальные выводы, спешу успокоить — да, и хорошие, «добрые» западники то же есть, и россияне среди них тоже. Как их много, как сильно они добры к России, как энергичны они в своей борьбе за эту «доброту» — это отдельный разговор. И последняя ремарка в связи с лирическим отступлением на актуальность. Предвижу со стороны оппонентов обвинение в стремлении очернить «добрые» намерения как Запада, так и отечественных «доброжелателей». Отвечу, извиняюсь, слегка менторски: «Читать надо, господа, а не слушать госпожу Клинтон!». Желательно по теме и побольше. Подтверждений наличия этой критической оппозиции именно в таком ее виде более чем достаточно. Если думаете, что намекаю на Проханова, — ошибаетесь. Начать можете с Радищева и Чаадаева. Сожалею, если сочли, что данное отступление есть отступление от темы. Вернемся, однако, к исторической канве.

Из всех перечисленных несколько выше

предреволюционных страшилок об отсталости лишь состояние российского крестьянства является действительно серьезным аргументом, но и то — не в том виде, как это разложено «по марксизму», но как это имело место в действительности с учетом мощного позитивного влияния на состояние крестьянства начатых Столыпинным реформ. Конечно, потенциально крестьянство было мощной базой социального недовольства и стремления к революции. Но какой? Не социалистической. Все чаяния крестьянства укладывались именно в компетенцию социальных решений буржуазной революции. Да и сам Ильич поля всех своих сочинений испещрил замечками о крестьянине как «мелком буржуазном собственнике». Крестьянину социализм был противопоказан более чем кому-либо. Так что поиск в нем опоры социалистической революции — это одна из многих хитростей революционеров, в совершенстве владевших искусством демагогии и манипуляции общественным мнением.

Что касается «отсталого» монархического устройства, так извините, господа — почти вся Европа в ту пору была монархической, а половина ее остается таковой даже и сегодня, пусть и в декоративном виде. К слову, бюджеты у нынешних монархов не декоративные, и имидж их какое-никакое социально-политическое влияние да имеет. Я сомневаюсь, чтобы в каком-либо из свободных европейских парламентов в ту пору могли быть произнесены столь антимонархические речи, как те, что звучали в стенах Государственной думы незадолго до Февральской революции. Если вы бегло просмотрите разнообразные речи, в том числе Столыпина, во всех государственных думах, то обнаружите, что при всех больших издержках это был парламент как парламент, не хуже «аглицкого», демократии — хоть отбавляй! А вместе с Государственным Советом, Правительством и «Манифестом 17 октября» — как минимум, конституционная монархия. При этом, даже у самых передовых демократий Европы той поры — у каждой из них — просматривались огромные родовые пятна в виде авторитарных и диктаторских проявлений, причем не у монархов, а у премьер-министров, которые по части этих амбиций в десять раз превосходили Николая II, кротчайшего из всех русских монархов. Но, как говорится, какая Вам уже от этого разница — управляет вами монархический или парламентский диктатор? Нет, я не хочу обелять российский монархический строй, однако по прошествии последнего столетия очевидна недостаточность и фальшивость расхожих клише и стереотипов (как отечественных, так и зарубежных) о полной несостоятельности государственного и политического устройства России на тот момент. Оно не было передовым, но

и точно уж не было таким, как представлено в ленинской теории об «объективных предпосылках пролетарской революции».

Несколько ниже, в разделе об авторитарных и демократических формах правления я объяснюсь более подробно. Да к тому же, и само свержение самодержавия как заслуга Октябрьской революции — это фантазия советских учебников по истории. Царь отрекся от престола до приезда вождя революции и за восемь месяцев до самой революции.

Про аргумент об отсталости промышленности и армии я и не говорю. Конечно, с наиболее передовыми странами той поры — Англией, Голландией и подобными — России тогда было трудно сравниться, но не только ей одной. Тем не менее, все познается в сравнении. Впоследствии Советской России еще долго пришлось догонять формальные цифры и показатели «отсталой» России 1913–1914 годов, а по некоторым из них, таким, как «масло-сало» на душу населения и численности населения как таковой, не говоря ни о чем другом, «новая» Россия (не считая Москвы) достигла уровня тех лет, пожалуй, только к 60-м годам XX века (вместе с выдачей удостоверений личности до того «беспашпортным» колхозникам-крестьянам). Что такое настоящая отсталость России, — ее промышленности, сельского хозяйства, населения, — россияне узнали лишь после Октября и знают... до сих пор. Если кто напомнит мне, что революция произошла по ряду еще более конкретных причин, — нехватки хлеба в Петербурге, плохого снабжения армии, нежеланию солдат воевать и т.п., то на этот счет сегодня (а для большинства объективно осведомленных несоветских русских историков эмиграции — давно) правдивые ответы даны. Интересующихся отошлю к работе Солженицына «Размышления о февральской революции».

Февральскую революцию обычно тесно связывают с Октябрьской в силу очевидной временной близости и, соответственно, переносят на нее те обвинения в катастрофизме, за которые отвечает ее октябрьская сестра. Но по сути это не верно — это лишь формальное, не идейное родство. В России, действительно, были две, принципиально разные революции. Слитными на бумаге они стали лишь потому, что этого хотели большевики, точнее один из них (у большевиков все происходило таким образом, что все хотел, понимал и делал один человек, настоящий «абсолютный коммунистический монарх», все остальные стояли «со свечами»). При всем драматизме хода Февральской революции ни сама она, ни ее возможные последствия наверняка не оказались бы столь катастрофичными, как драматические последствия октябрьского переворота.

Пейзаж после битвы Горький остаток

Когда пытаешься ответить на вопрос «что» было разрушено, то тут воистину теряешься в вариантах ответов, хотя самый простой более чем очевиден — все.

«Самое потрясающее из впечатлений, испытанных нами в России, — писал Герберт Уэлс уже летом 1920 года, — это впечатление величайшего и непоправимого краха. Огромная монархия, господствовавшая здесь в 1914 году, с ее системой управления, общественных институтов, финансов и экономики, пала и разрушилась до основания, не выдержав непрерывной шестилетней войны. История еще не видела столь чудовищной катастрофы. В наших глазах это крушение затмевает даже саму революцию... Россия, которая до 1914 года была неотъемлемой частью старого цивилизованного мира, рухнула и исчезла с лица земли» (3). Но смертельное движение власти на 1920 году не остановилось. Ожесточенно, беспощадно и бездумно началось быстрое и планомерное — «по-научному» — уничтожение всей России: материальной, экономической, военной, политической, культурной, национальной, духовной, нравственной и даже эстетической.

Часто Россию дореволюционного времени вполне обоснованно называют цивилизацией. Так вот, от этой цивилизации товарищи не оставили, образно выражаясь, ни кирпичика. Можно привести бесконечно много подтверждающей эту разруху статистики и фактов, и в богатой на этот счет новой российской исследовательской литературе это делается. Скрупулезный сбор такой статистики и фактов и их отслеживание сразу же после революции начали также русские эмигранты в Париже, Берлине, Праге, Софии, Харбине... Возразить этой мрачной статистике разрушения, оспорить ее практически невозможно, она — тотально-уничтожающая. Дворцы, заводы, здания, конторы, магазины, ремесленные мастерские, деревни, усадьбы, парки, избы, домашние животные, запасы зерна и семян, иконы, мебель, картины, бриллианты, книги — несметные, огромные богатства России, копившиеся столетиями, были разграблены не за десять дней или даже месяцев. Богатств было так много, что большевикам хватило надолго содержать свой режим царскими деньгами, золотом, средствами производства, запасами на складах. Еще совсем до недавнего времени (60-е — 70-е годы), как минимум треть действовавших заводских помещений и зданий были построены и созданы до революции, про музейные и библиотечные сокровища — и не говорю. Что же встречно сумели создать «товарищи»? — Ничего,

кроме тяжелой, неуклюжей, железной, но большой армии. Именно это уникальное детище миролюбивых товарищей и явилось тем главным коммунистическим достижением, которое съело 75% бюджета всегда, да к тому же не всегда было ясно, против кого оно в первую очередь направлено — то ли вовне, то ли вовнутрь. Пройдя под вывеской на революционных воротах «Добро пожаловать в рай», Россия шагнула в ад.

Панорама уничтожения материального и предметного богатства России чудовищна и, конечно, достойна самого тщательного системного исследования, но я в данной статье как основную задачу вижу анализ иных, нематериальных — идейных, идеологических, этических — утрат России, точнее того, что было предложено взамен традиционных исторических российских ценностей и убеждений. Утрата в том и состояла, что Россия за короткое время в условиях полной изоляции под угрозой насилия, вынуждена была принимать в свое сознание и разум новые, абсолютно чуждые, антигуманные «ценности» коммунистического мировоззрения и практики.

Уклад жизни

Вполне логично и естественно, что понятие «революционное разрушение» прежде всего ассоциируется у нас с определенными картинами разрушения зданий, церквей, поджогами усадеб, расстрелами людей. Всего этого в оцепеневшей и бессильной перед беспрецедентным вероломством большевиков России на протяжении нескольких лет революции и гражданской войны было более чем достаточно. Сегодня, по прошествии долгих советских десятилетий, когда вновь в России возникла возможность возрождения еще не вполне понятно, какой конкретно, но, возможно, нормальной жизни, все более явно наблюдается одна большая проблема — решение новых, современных задач России упирается не только в численную недостаточность населения, но и в некую его непреодолимую забитость и отсталость. Речь не идет, конечно, об интеллектуальных сливках Москвы. За пределами Москвы, Петербурга раскинулась совсем другая, как будто сошедшая со страниц Лескова и Салтыкова Щедрина бескрайняя Россия со своим извечным вневременным пейзажем: заброшенные деревни, покосившиеся деревянные избы и заборы, грязь по колено, разбитые дороги, убогие «интерьеры» из железной кровати, тумбочки и коврика с оленем на стене и пьяные человеческие силуэты везде... Если бы не телевизор двадцатилетней давности, то трудно понять, в каком году, столетии ты находишься: то ли в фильме Ю. Германа, то ли в рассказе

Чехова «В овраге». Без разницы — что деревня, что небольшой рабочий поселок, что промышленный город, что... 20 километров от Москвы. А сами люди глубинки? — Их внешний облик, их рассказы, речь, проблемы — это уровень 1910-го года, а то и нечто более дремучее. С болью и безнадегой приходится спрашивать: «Что это за страна? Что с ней случилось? Что произошло и происходит с этими людьми в век цифровых технологий, нанотехнологий и электромобилей, комфортабельных энергосберегающих квартир и изящных интерьеров?». Моральные позор и унижение для россиянина перед цивилизованным миром — это еще одно горькое «завоевание» «светлой» революции, сопровождавшее по всему миру советских людей в течение ста лет.

Подлинно ужасной картиной разрушенной России является не страшная статистика и мрачные теории, но вот эти «живые средневековые картинки» современной России, в которых очевидности «достижений» больше, чем в какой-либо самой обширной статистике. Вот это и есть тот самый «мы наш, мы новый мир построим», который товарищи пообещали доверчивому русскому народу 100 лет назад. Революция и все, за ней последовавшие «преобразования» в течение десятилетий уничтожили главную, не вполне материальную ее сущность — уклад, образ жизни россиян.

Причем, уничтожали долго, всесторонне и методично — до самых мелочей. Не только, чтобы не было церквей и двуглавых орлов на зданиях, книжек или фотографий на чердаке, но чтобы и в мыслях и памяти не было ни флага, ни герба, ни имени своего несознательного родственника, ни отца, ни матери. «Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь — все погибло. Сожрали тощие коровы фараоновых тучных и не только не потучнели, а сами околевают», — метко подмечал очевидец событий Иван Бунин в своем бессмертном художественном документе «Окаянные дни». (4)

Одной из главных задач «товарищей» (какое ласковое, доброе слово) было, как известно, создание «новой общности людей». Не напоминает ли вам эта задача аналогичную, поставленную, правда, другими еще «социалистами», — по созданию также самой совершенной общности (правда на основе расовых аргументов)? Но последним выпало мало времени, а вот «товарищам» — хватило. Поэтому те, кто сегодня искренне удивляются неискоренимости и нечеловеческой живучести в России криминала, пьянства, коррупции, правового нигилизма, утраты традиции труда, в лучшем случае наивны и уж наверняка не осознают связи своей исторической пуповины с историей своей же стра-

ны. Именно эта утрата вполне определенного многовекового образа жизни России, при всей его неуловимости и неопределенности, а также несовершенстве, и есть главная жертва и утрата революции. И, наоборот, сохранение и поддержание этой ценности в большинстве других, сопоставимых с Россией на момент революции странах, делает их сегодня, а возможно и навсегда, более прогрессивными, развитыми, культурными и комфортными. У категории уклада есть еще одна необычная особенность: в силу его некоторой неконкретности и нематериальности он марксистами-материалистами особенно и не был замечен — ни в научных анализах, ни в процессе уничтожения. Получилось как-то «нечаянно», как когда-то у Фейербаха с материализмом, нечаянно выплеснутым из пресловутой ванны.

Уклад любой страны, по крайней мере вплоть до начала XX века, составлял, возможно, ее главную ценность, на основе которой вырастали все остальные. И сколь совершенным и сильным был этот уклад, столь сильными или же слабыми были у этой страны все остальные ценности — экономика, культура, мораль.

По мне, уничтожение векового уклада жизни России и есть главная составляющая исторической катастрофы. Но и это, к сожалению, еще не все. Внутри этой жертвы, если так можно выразиться, находился главный генератор и носитель образа и уклада жизни — человек. В нем и через него жила и развивалась традиция, память и умение народа. Убери его — и вся пирамида связей и ценностей рассыпается. Однако для большевиков понятие «человек» было бессмысленной абстракцией, анахронизмом буржуазной философии. Ведь сам бог марксизма — Карл Маркс указал, что нет ни эллина, ни иудея, но есть — пролетариат, да к тому же «у пролетариата нет родины». Ну, чем не руководство к преобразованию человечества!? Вот только, правда, этого самого пролетариата в России на момент Революции большевиков было маловато — процентов этак четырнадцать. Такие «нестыковочки» настоящих коммунистов не смущали. Не беда, что мало, зато он — передовой, а вот остальные — непередовые, отсталые, подлежали идеологической, а где надо, и физической, «зачистке». Оказалось, очень «надо где»: во дворцах и министерствах, в монастырях и церквях, в университетах и гимназиях, в зажиточных домах и избах — везде, где было получше, и всех, кто был получше. Об этом геноциде и холокосте своего народа сказано более чем. При этом, практически все исследователи основные признаки этого геноцида констатируют одинаково: он был сверхмассовый, многоэтапный, структурно всесторонний и в то же время избирательный. Причем избирательный по самым ценным, чувстви-

тельным признакам человека, человеческой личности. Уничтожались наиболее независимые, умные, энергичные, честные, талантливые, и, соответственно, выживали и особенно пробивались наверх наиболее раболепные, тупые, трусливые, бесчестные, бесталанные. Это мы говорим только о геноциде во время революции, но впереди еще 1937 год, ГУЛАГи, бессмысленные жертвы (по бессмысленным приказам Сталина) войны, и длилась эта «процедура» — беспрецедентный в новейшей истории факт — без малого век. Как после этого еще вообще кто-то остался и был способен что-то «робить»?

Уклад жизни, а вместе с ним и люди, или люди, а вместе с ними и уклад жизни «по большевикам» подлежали уничтожению, и были уничтожены. Уж какая после этого могла возникнуть новая «общность», культура? Такие и возникли.

Всем, особенно ученым, хочется экономического и политического, а не какого-то там эмоционального анализа. Вот и Карл Генрихович и Владимир Ильич очень любили экономические анализы, и поднаторели в них, оттого у нас и с экономикой все стало так хорошо, «по научному».

Кроме этих двух, лишь в общем виде мною затронутых важнейших роковых аспектов катастрофы — уничтожение жизненного уклада России и геноцида собственного народа, — есть и другие, аналогичные, также напрямую не затрагивающие нематериальные субстанции катастрофы.

Орудия катастрофы. Идеология и ее вождь

Из всех этих орудий революционной борьбы с Россией наиболее мощными и грозными были два — марксистская идеология и харизматичный вождь, все остальные силы легко создавались и комбинировались из этих двух. Их слияние «подарили» человечеству, и особенно России, ту гремучую смесь, которая взорвала весь ход ее многовекового развития. В свою очередь, в дихотомии «идеология — вождь» важнейшая роль все-таки была за идеологией, созданной гениальным Карлом Генриховичем Марксом. Ленин был просто зомбирован этой идеологией до невменяемости. В отличие от него, Европа эту идеологию не восприняла серьезно или почти не восприняла, точнее, фанатично ее восприняла лишь одна персона от имени России. Главными авторитетами по ее ассимиляции в России, не считая ранних марксистских кружков Федосеева, были, как известно, Плеханов и Ленин. Георгий Валентинович ассимилировал ее в примерно столь же цивилизованной и даже критической

форме, как и большинство нормальных «оппортунистов» Запада, с явной перспективой преобразования в эффективную европейскую социал-демократическую традицию. В этом смысле, до этого уровня овладения марксизмом Россия была опять-таки подобна развитым странам Европы. Но вот включение в этот процесс такого «субъективного фактора», как Владимир Ильич, придало процессу ассимиляции другой, неожиданный не только для России, но и для всего мира оборот.

Ленин, обладая космическим идеологическим фанатизмом и организационной гениальностью, настолько радикализировал теорию, практику и этику марксизма, что полученный «кумулятивный снаряд» был равен социальной атомной бомбе для России. Сделать это было не трудно. Такие снаряды «отливали» уже и до него. Сама теория Маркса была готовым, крайне радикальным вариантом социальной теории. Ее надо было всего лишь «поднять с земли». При всей определенной готовности и даже настроенности на революционные преобразования и даже разрушения никто, даже большевистские соратники Ленина (Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев и др.), за исключением, возможно, Сталина (не даром Ленинский выбор в «Завещании» пал на него. Наверное, почувствовал родственную «душу»... дьявола), не предполагали тех масштабов насилия и разрушений, которые последовали *de facto*. Несоответствие России по всем параметрам капиталистическому обществу, созревшему, согласно канонам марксизма, для пролетарской революции, не смущало гениального теоретика. Как ни смущало его, наоборот, и то, что в тех обществах, которые на сто процентов были готовы (по Марксу) к пролетарским революциям, ничего подобного не происходило. Ленин, как всегда, самому себе и, особенно, — другим умел изворотливо объяснять это несоответствие как временное и, мол, «все равно» все соответствует марксизму. 95 процентов всей марксистской и особенно ленинской теории было посвящено обоснованию и технологии разрушения буржуазного общества. О том, «что» и «как» строить на его месте, не было толком сказано ничего, кроме разрозненных обрывочных фраз и лозунгов — даже у самого Маркса лишь что-то было там про «обобществление всего» сознательными пролетариями.

Когда-то Плеханов дал Ленину наиболее точную, чем кто-либо другой, характеристику «Это человек одной книги, одной идеи, одной партии и одной газеты». (5) Книга эта — «Что делать?», идея эта — революционный захват власти, партия — РСДРП(б) и газета — «Искра» (и ее разновидности). И вот эта самая идеология с 14 лет, со времени мстительной обиды за

казнь брата-террориста, нашептывала Ленину все громче и громче: «Пойди и возьми. Возьми власть, установи диктатуру, создай на земле рай для рабочих и крестьян, а все, кто будут против, они — враги, подлежащие уничтожению». И хотя Маркс, идеологический отец вождя, под уничтожением класса буржуазии предполагал его экономическое уничтожение (через лишение средств производства), Ленин «немножко» теорию «развил». В итоге весь буржуазный класс (независимо от пола, возраста и социального положения), в силу того, что оказал сопротивление, подлежал уже — тут идет «творческое» развитие теории марксизма — физическому уничтожению. А так как российское крестьянство долго не понимало прогрессивной роли пролетариата и большевистской партии и, тем самым, проявляло мелкобуржуазность, то и оно неизбежно становилось представителем буржуазии, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Теория Маркса гласила, что в отдельно взятой, без достаточного развития промышленности и численности пролетариата в стране социализм — невозможен. Теория Маркса гласила, что новое общество создается путем слома буржуазного государства и его последующим отмиранием (ибо некого подавлять — власть народная). Теория Маркса под уничтожением классов подразумевала их экономическое уничтожение. Маркс беспощадно критиковал и высмеивал «теорию заговора» и «бланкизм». Все эти и еще сотни других положений марксизма творчески настроенный вождь и продолжатель марксизма расторопно разворачивал в любом ему нужном, в зависимости от обстоятельств, направлении, как оглобли телеги, и всегда и всего лишь ради одной цели — захвата и удержания власти. Все немарксистские биографы Ленина отмечают этот бросающийся в глаза факт: все — ради этой цели. Для Ленина весь марксизм сфокусировался в этой точке. Остальные теоретические работы и идеи вождя также на 90 процентов были «подогнаны» под маниакальную идею власти. Но не следует впадать в вульгарную интерпретацию Ленина как лишь тривиально честолюбивого властолюбца. Нет, он остается преданным героем Достоевского — идейным. Власть была нужна не «ему», но «для» — для светлого будущего человечества. В этом, конечно, есть элемент некой личной трагедии человека, попавшего на ложный путь из благородных побуждений. Но не спешите соболезновать благородному «дон кихоту» — он бы ни ваших, ни моих соболезнований не принял.

Кто-то, особенно среди сторонников социалистической идеи, может сказать: «Ну к чему же так утрировать?» Так получается, скажет кто-то, что изображенное здесь — это какая-то «тео-

рия героев и толпы», а не объективных исторических закономерностей. Ответ, за неимением возможности ответить развернуто, прост: с теорией объективных закономерностей, вы сами знаете, что недавно произошло, а вот теория героев и толпы никогда не умирала и лишь под разными названиями успешно здравствует до сегодняшнего дня. Представьте себе на минуту, как выглядела бы сегодня история Франции без своего героя — Наполеона? Ленин, по его «количеству» в русской истории, — это русский Наполеон, только вот русская история, в которой он присутствовал, по своему социальному итогу оказалась совсем не похожа на историю Франции.

Этот беглый обрис я счел нужным представить с тем, чтобы подчеркнуть, что то варварство, которое осуществили большевики в России, есть продолжение варварства самой идеологии и ее проводников, которые — и это чудовищно — искренне верили в правоту и свет своей миссии. Нечто подобное позже произошло в Германии, Китае, Камбодже и происходит сегодня в Северной Корее, на Кубе. К великому сожалению, в России сегодня эта история тоже еще не закончена. Например, вполне уважаемый главный идеолог радикальных левых посткоммунистической России, товарищ Борис Кагарлицкий снова «искренне убежден», что «вопросы, поставленные в середине XIX века в «Коммунистическом манифесте» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, все еще ждут своего практического разрешения. Марксизм сделал свое дело в теории, но окончательный ответ на противоречия жизни дает практика. У этой практики есть имя: Революция». (6) И никто его не арестовывает, в тюрьму не сажает. Более того — он вальяжно читает лекции, каждый год издает книжки, в которых отстаивает чистоту ленинских идей, особенно радикальных. (Одним словом, как когда-то Чернышевский с Лениным — далеко пойдет!). Умеренный, реформистский социализм его не устраивает: мол, недостаточен. А вот сто лет коммунизма и десятки миллионов его жертв для него — не «практика», но всего лишь период «теоретической» подготовки. Вернемся, однако, к классикам.

Советская власть, в лице своего вождя, прежде всего, была большим, непревзойденным специалистом по вооруженному захвату власти, разгрому оппозиций, борьбе с враждебными элементами, всем видам пролетарских диктатур, военному коммунизму, красному террору и продразверстке. Вслед за Марксом, Ленин запланировал «слом», «разрушение» «старой государственной машины». Потом оказалось, что кроме старого буржуазного госаппарата, чиновников, не годится и старая армия, потом — вот уж чем не угодили — ученые, потом крестьяне... Одним

словом, как в «Сказке о золотой рыбке»: ничто не понравилось боярыне (точнее, дворянину) — вся Россия не понравилась.

Главными разрушавшими ее орудиями были не пушки и пулеметы, и даже не пресловутые антагонистические противоречия, но человеческий разум и его энергия в их наихудшем нигилистском применении, отлитые в идеологию и этику революции. Именно эти «интеллектуальные продукты», реализуемые «потребителям» через партийную пропаганду, отпускали в сознании людей тормоза культуры, морали и закона. Идеология, мораль — казалось бы, слова как слова, знала их и дореволюционная Россия, и узнала... революционная. После того, как узнала, оказалось, что «этот» их смысл оказался ей совершенно чужд и даже для нее смертелен. Вскоре в жизни страны уже было трудно отличить, где идеология и новая «этика», а где жизнь и работа, точнее то, что от них осталось.

Вначале была ложь. Этика революции

Победа большевиков началась со лжи. Большевики, в лице своего вождя прежде всего (потому что все остальные лидеры, за исключением Троцкого, но даже и он, были столь блеклыми отражениями партийного демиурга, что наглядно запечатлено в пресловутом ленинском «Завещании», что говорить о них серьезно не представляется возможным), создали для своего времени беспрецедентную, абсолютно совершенную систему обработки общественного сознания и поведения человека, точнее, систему манипуляции ими. Ни вчера (разве что нацистская пропаганда), ни сегодня (разве что США) мало кто может сравниться с той чудовищной машиной. Название этой системы — пропаганда и ее «родная сестра», в простонародье называемая демагогией. В этом искусстве коммунистам не было равных, об этом часто с завистью высказывался Муссолини. Эту особенность большевиков их идейные последователи — коммунисты в дальнейшем сумели унаследовать куда успешнее, чем какую-либо другую, например, «привычку к труду благородную». Но все-таки ядром этой системы была ложь. По большому счету, любая манипуляция, особенно сознанием человека — всегда ложь. Большая манипуляция — большая ложь. Ведь она — по определению, по этимологии — означает изменение параметров сознания и поведения человека в нужном для манипулятора направлении. Сегодня этим занимается НЛП и ему подобные «техники», и никто пока что из открывших этот ящик Пандоры не имеет представления, куда это приведет и чем это закончится. Именно закончится, потому

что динамику процесса мы уже лицемерим вполне. Так что сегодня в этой области Ильичу можно было бы выписать патент.

Тем, кто хорошо знает подлинную биографию вождя (для тех, кто не знает, сообщу, что официальная советская, кроме календарных дат, не имеет с подлинной ничего общего, как, впрочем, и биографии Маркса, Энгельса и всех прочих марксистов), знают также, что каждая клеточка его биографических одежд пропитана ложью, начиная с рассказов о его родословной и заканчивая историей Любви к Инессе Арманд и пафосными официозными рассказами о его кончине. Не стану приводить здесь сотни фактов, которые во всей красе и полноте представлены во множестве прекрасных немарксистских биографических работах Валентинова, Фишера, Волконогова, Радзинского и многих других. Эта ложь, как в хорошем суде, — установленный факт. Так как все количество фактов, скрупулезность их исследования, количество и правдивость свидетелей столь масштабны и достоверны, то можно утверждать, что никакой живой суд в 100 заседаний не смог бы этот материал представить более доказательно, чем это сделала история свободной мысли. Россия без малого через столетие с момента кончины обвиняемого свершила свой справедливый суд над этой личностью, в данном понимании — преступником.

Даже в своей первой, относительно менее ангажированной работе (тема обязывала) «Развитие капитализма в России» Ленин отбирал и логически выстраивал лишь ту статистику, которая подтверждала его собственные интерпретации марксизма, всегда позиционирующиеся им как единственно последовательные и истинные (недаром он имел кличку «ортодокс»). Если вы хотите узнать всю подлинную историю «честной» борьбы молодого Ильича с Плехановым и суть написания работы «Что делать?», то ознакомьтесь со свидетельствами единственного прижизненного (и Лениным нелюбимого) биографа и на какой-то момент соратника Ленина, свидетеля и участника этих событий Валентинова в его знаменитой эмигрантской работе «Встречи с Лениным». Также чего только стоит детективная история дружбы (заметьте, без кавычек) Ленина с Гельфандом-Парвусом, результатом которой стали плагиативные «Апрельские тезисы», или кража у эсеров лозунга «мир — народам, земля — крестьянам, хлеб — голодным».

Однако ложь в теории — это еще не вся ложь большевиков. Панорама лжи на этапе «практического строительства социализма» затмевает какие-либо даже самые смелые картины средневековой инквизиции или подобных ей институтов. Впору исполнять арию Дона Базилио из бессмертного музыкального произведения. И

на этом этапе ложь начиналась с вождей, точнее с вождя. Правдивая панорама этой «практики» Ильича обширно представлена в его оперативном эпистолярном наследии — записках, телеграммах, секретных депешах и распоряжениях с пометками «секретно», «совершенно секретно», «после прочтения сжечь» и т.п. Частью они доступны и были доступны всегда — в его официальном полном собрании сочинений. Но большей, основной частью были мало или совсем не доступны — в партийных и исторических архивах. Как сообщает Волконогов в своем двухтомнике «Ленин», более четырех с половиной тысяч таких до сих пор остаются в недоступных хранилищах. Можно себе представить! Но не будем печалиться: и та часть, которая доступна, — вполне красноречива. Ленинская ложь (или, наоборот, тайная правда), касающаяся Брестского мира, убийства царской семьи, затягивания, проведения и разгона Учредительного собрания, изъятия ценностей у церковью, репрессий служителей культа, подавления крестьянских восстаний, щедрого финансирования Коминтерна и партий международного коммунистического движения из российской казны, щедрой оплаты сокровищами Оружейной палаты «услуг» ландсхнехтам революции латышским стрелкам, продажи предметов искусства «за корабль с зерном» и т.д. — вопиюща и безгранична. Правда сам он, повторюсь, в соответствии с бланкизмом и макиавеллизмом, конечно, не видел в этом ничего дурного. Ведь он, Ленин (бедняжка Раскольников до этого не додумался), поступал не в соответствии с «прогневшей» буржуазной или христианской моралью, но по морали «новой», пролетарской этики, в которой хваленые заповеди «не убий», «не лги» имеют другое, противоположное значение (ведь буржуа и пролетарии — антагонисты). В итоге, и в этом лично у меня нет никаких сомнений, Ленин есть классический, образца XVIII — XIX веков тип бланкистского заговорщика и макиавеллианца. Квазиконспирировавший свои истинные внутренние личностные политические мотивы и мысли Ильич относился к обоим историческим фигурам (Бланки и Макиавелли) с большой, но скрываемой симпатией. Он понимал, что такие увлечения как-то не совсем соответствуют эталонному образцу марксиста, на который он претендовал и который не приемлет «теории заговора» и макиавеллизм. К великому сожалению, вся эта занимательная марксистская этика обернулась для народа нечеловеческой трагедией. На фоне ее уже не кажутся странными или невесть откуда возникшими принципы беспощадного классового революционного террора и насилия над беззащитными и мирными гражданами своей же собственной страны.

Нужно признаться, что зарубежный карикатурный образ безумного большевика времен революции, столь обидный для русского человека, тот самый — с бритвой (или бомбой) в руке, шагающий по кровавым трупам — вовсе и не карикатура. В одном из южных российских городов прославился у красных один палач (темнокожий интернационалист), который умел сдирать кожу с живого человека. Так что, куда уж там бритва! Для большей конкретики (может быть, кто-то еще не знает) напомним, что душегубки и концлагеря (за исключением маленькой австрийской подсказки времен Первой мировой войны, обращенной на русских в Галиции) — это тоже изобретения большевиков. Идея концлагерей — так это Владимир Ильич лично Льву Давыдовичу посоветовали еще в 1918-м, возможно, в перерывах между потчеванием ходяков пустым чаем и почти христианскими подарками детям на новый год.

Главной особенностью социалистической лжи «мирного периода строительства» стал процесс ее перетекания и растекания от вождей в народ — к комиссарам, секретарям комсомола, бригадирам, председельсоветов, предколхозов, чекистам, профсоюзным деятелям и, в конце-концов, к конечной (в смысле очередности) «цели социализма» — рабочим и крестьянам, которые вскоре научились халтурить по полной и воровать на постылой работе, произносить «пенковые речи» на собраниях и голосовать по указаниям дирижерской палочки. Страна и народ, которые постепенно обнаруживали за дымовой завесой лозунгов и ритуалов тотальную ложь и цинизм власти, не устояв под их напором, сами бросились в омут. Конечно, некоторые, и их немало, лжи предпочли достоинство. Ложь стала тотальной системой двойных стандартов — теории и практики марксизма, «идейности» вождей, справедливости суда, справедливости распределения, «отсутствия» привилегий, «вознаграждения по труду», «равенства» перед законом и т.п. Истоки многих проблем современной России, касающиеся общей несправедливости, а также коррупции власти и общества в целом, своим основным источником имеют эти «традиции».

Этика большевистской практики и идеологии — это воистину «апофеоз» всего ими сотворенного. Столь академичное слово — этика — в отношении столь варварской (как большевистская) деятельности я использую только потому, что марксисты и большевики, как ни странно, уделили этому вопросу огромное место и значение. О чем бы отцы марксизма-ленинизма не писали — об экономике, политике, социологии — всегда у них получалась мораль — мораль почерпнутая от имени передового пролетариата и его

идеологии в адрес всех остальных «неверных». «Азбучная истина марксизма», как любил на каждом шагу поучать Владимир Ильич, — это то, что Маркс научно, экономически обосновал свое учение, включая этику. А именно: написал «Капитал», открыл закон прибавочной стоимости, «раскрыл тайну капиталистической прибыли», классовых антагонизмов и необходимость пролетарской революции и т.д. Правда, вот это «экономическое обоснование» («Капитал»), создано было Марксом существенно позднее, чем другое, не менее знаменитое, и более этически яркое произведение — «Манифест Коммунистической партии». Текст его на ту пору пока еще не был еще в достаточной мере экономическим, но этическим уже вполне. Этическим, юридическим, а то даже и физическим (в смысле революционного насильственного разрешения противоречий) — классовый моральный приговор здесь, задолго серьезного экономического разбирательства, уже подписан. Так что Ленину в его дальнейшей практике революционной «этики» научной теоретической базы было более чем достаточно. Ленин всегда мог легко, даже изящно объяснить не вполне овладевшему марксизмом рабочему или слегка замешкавшемуся с ружьем робкому крестьянину, «почему» «именем революции» можно «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, заперев сомнительных в концентрационный лагерь вне города». (7)

Подлинным идейным инструментом реализации диктатуры (геноцида от) пролетариата, не считая технического (наганы, ружья и пулеметы), была эта самая новая мораль. Ведь хотя бы ради какого-никакого приличия перед тем, как расстрелять, надо было как-то разъяснить, обосновать эти естественные «почему» и «за что». Вот, например, царю Николаю и всем императорским домочадцам «повезло»: им решение-приговор, пусть и тайные, «объяснили» — в смысле «зачитали». Все по закону! Правда, чаще, как мы знаем, обходились без этих формальностей: у революции не было времени — надо было «дело» делать. Большевики, а потом члены КПСС постоянно в адрес всех и вся, ближних и дальних на каждом шагу доказывали и разъясняли, почему они «право имеют». Тот факт, что многие из них, уничтожая миллионы, искренне и преданно верили в истинность (и даже благородство) своих, в том числе этических принципов, не многое меняет. Ведь и эсэсовцы, отправляя в газовые камеры тьму людей, верили, что избавляют лучшие расы от со-присутствия худших. Хотя теперь мы знаем, что обе эти «этики» «не стоят и одной слезинки ребенка». Предвидел ли Достоевский, что веселый двойник мрачного героя его «Преступления и наказания», тестиро-

вавший на человеческих душах истинность своей революционной этики, станет реальным героем реальной истории России? Прозорливость Федора Михайловича поразительна — ведь Ленин буквально копирует героя своего самого ненавистного писателя, разница лишь в масштабах эксперимента и отсутствии раскаяния у «сверхчеловека» марксистского вида.

Одним из самых чудовищных «завоеваний» революции и, соответственно, содержанием катастрофы было повсеместное и долговременное внедрение этой «этики» в сознание россиян. В России долгие десятилетия огромная часть населения (слава богу, не вся) была просто зомбирована этой этикой классовой борьбы и ненависти. Это и была та «разруха в головах», о которой восклицал один из любимейших читателями героев романа Михаила Булгакова. Правды ради надо признать, что в послесталинский период эта воинственность стала затихать, ей на смену шла другая, более мягкая, но в исходных принципах все та же этика.

Марксистская и коммунистическая этика, как прародительница практики лжи советского коммунистического общества, по-своему, тоже невинна. Она, как мы бегло упомянули, в свою очередь есть следствие марксистской идеологии — подлинного сердца марксизма.

Абсурдность революционной катастрофы для России усиливается еще и некими «лингвистическими» противоречиями. За ней закрепилось международное название Русской революции с очень обширным смыслом: как революция, произошедшая в России, как революция, совершенная русскими, как революция отличная от западных и т.д. Западные исследователи, как правило, объединяют все три смысловые интерпретации в одну. Им проще: они действительно должны лучшим образом указать на революцию, которая совершилась в России и отличается от любой западной, а раз в России — стало быть, и русская. К тому же, когда революция — образец катастрофы и совершенна в давно уже не вызывающей симпатии державе, то даже приятно осознавать, что на ее месте не была твоя страна. Первая русская послереволюционная эмиграция употребляет этот термин, как правило, в смысле «наша», «произошедшая в нашей, моей» стране. В то же время большая часть эмигрантов первой волны постоянно подчеркивала ее чуждый русской традиции и культуре характер, обозначая ее как революцию которая произошла больше вопреки желаниям и чаяниям россиян. Поздняя советская историография вообще идеологически чуралась этого термина, так как он уже «был занят» эмигрантами, а с ними никогда ни в чем нельзя было соглашаться, их только можно было критиковать, да

и постоянные клятвы государственной власти в интернационализме явно с таким определением не гармонировали. Лишь большевики ленинского периода революции игнорировали ее русское название не только из уважения к идеологическим установкам («у пролетариата нет родины»), но и внутренне, ибо 95 процентов ее высших творцов (авторские названия революциям даются на таком уровне) себя русскими не ощущали и таковыми не были. У них просто «не поворачивался язык» так ее именовать. Это очень интимный, внутренний психологический аспект русской революции, его в ней было очень много, но в современных российских исследованиях он лишь начинает подвергаться анализу. Мы тоже сможем коснуться его лишь кратко.

Собственно в этническом смысле вклад русских в революцию большевиков, и особенно в ее подготовку, осуществление и созидательную деятельность в первые годы революционного строительства был ничтожен, а основная часть русского населения была вынуждена «признать» эту власть либо под дулом маузера, либо под воздействием монопольной манипуляционной демагогии. В период с 1917 по 1921 год в аппаратах высших партийных и государственных органов из примерно 539 работников русские составляли 31 человек (5,75 процента) (8). К примеру, в первом Совете Народных Комиссаров из 22 членов, русскими, включая Ленина, были два; в чичеринском Комиссариате внутренних дел из 16 — один; в Московском ЧК из 62 — два и так далее. (9). Скажете — это совпадение, не надо раздувать. И я считаю, что не надо раздувать и спорить зазря, но «надо сесть и посчитать», как говорил Лейбниц. В 1918 году, на момент выборов «под дулами» в Учредительное собрание, единственный объективный критерий отношения россиян (и в том числе русских) к большевистской революции был таким: они ее не признали, не выбрали.

Октябрьский переворот по составу идейных и практических организаторов не есть русское явление, даже наоборот — абсолютно нерусское. Потому и «обращение» с русским народом и российским богатством было «щедрым», расточительным: «чужого добра не жалко» — так же, как было у Ельцина с суверенитетами. Вторая — октябрьская — часть Русской революции была явлением интернациональным, и при этом с наименьшим русским участием. Это было следствием всего сложившегося контекста — начиная с заморской идеологии и заканчивая пестрыми исполнителями-палачами и усердной международной «помощью». Поэтому сегодня, когда немалая часть «принципиальных» критиков коммунистического геноцида требует коммунистического Нюрнберга для России, они как-

то лукаво не желают предположить, что почти всю скамейку подсудимых должны занять представители их же собственных стран, культур, национальностей, которых немало.

Вы возразите — при чем же здесь другие страны? А вот современные американцы, например, «помогают» устанавливать демократию в Ираке, Афганистане, на Балканах, в Грузии, на Украине, далее — по списку. Но — лишь «помогают», ибо эти местные народы борются за демократию в общем-то «самостоятельно», с помощью роз и тюльпанов. Поэтому, если у них, в этих «демократических» странах, потом случаются какие-нибудь внутренние разборки, то Америка здесь не причем. Современные российские исследователи (правда, уже не все) в поисках всей правды о революции пока как-то не успели исследовать этот аспект, вот, пока как-то у них это не идет.

Понятное дело — после стольких-то лет интернационализма! Да и современная толерантность как-то не располагает. А вот западные «ученые», в том числе немецкие (страна и генштаб которых подготовили и проект Маркса, и проект Парвуса, и полное финансирование, и «СВ-вагон с пропуском»), почему-то не гнушаются вот уже сто лет как анализировать эту самую революцию как специфическую, «русскую»... Исходя из сказанного, я не намекаю ни на какие радикальные выводы, но лишь на то, что коль скоро и я, и многие другие желают знать правду и думать обо всем без оглядки, то у предмета исследования не может быть искусственных «темных» и «светлых» углов. Данный вопрос слишком явный и стоил россиянам очень дорогого, чтобы его стыдливо замалчивать.

Свет в конце тоннеля

Изложенное выше у многих читателей, не говоря уже о поклонниках коммунистической философии, вызовет раздраженную реакцию, мол, не может быть справедливым тезис о том, что катастрофа являлась столь тотальной и необратимой. Чисто психологически такая реакция вполне понятна. Признаться в том, что ты проиграл, — очень горько, даже если ты проиграл всего лишь партию в шахматы. Но меня, если использовать это сравнение, теперь уже больше интересует вопрос — будет ли продолжение турнира, будут ли у России новые партии?

В духе изложенной выше мной самим логики о необратимости катастрофы ответ, казалось бы, очевиден, и он уже прозвучал — перспективы нет, «костер лишь догорает». Но! Тем не менее, я произношу нелогичное «но».

Чудесное упование

Выше я строил свои рассуждения на том гипотетическом предположении, являющемся для меня убеждением, что нынешнее состояние России есть продолжение катастрофического существования «второй России» той, которая возникла после полного крушения исконной многовековой дореволюционной России. Несмотря на обретение «второго дыхания» Россией в 90-е годы и усиление его в начале XXI века, реальное отставание развития российского общества по всем многочисленным параметрам от среднего уровня развитых европейских и мировых государств, при всех оптимистических оговорках, все же столь чудовищно, что его преодоление представляется скорее «чудом» нежели, сколько-нибудь реальным проектом. Поэтому я совершенно не разделяю позицию сегодняшней российской демократической оппозиционной критики в адрес президентуры или правительства России (в духе столь дешевых ее форм как книга Минкина «Письма президентам»), так как всем понятно, что ни один из современных оппозиционных демократов не в состоянии решить ни одной серьезной проблемы отставания российского государства, даже самой маленькой. Весь пафос этой критики есть не что иное, как демагогия и манипуляция общественным сознанием в духе политтехнологий Ленина и Сороса, причем небескорыстной — я имею в виду не обязательно финансы, хотя эти люди лучше других знают, за что Запад платит и как...

Перед Россией сегодня стоят задачи, решение которых равносильно свершению чуда. С одной стороны, необходимо преодолеть колоссальную технологическую, экономическую, социальную отсталость, с другой стороны, для этого нет соответствующих ресурсов — технологических, человеческих, финансовых. Ученые-социологи и политтехнологи в целом все это называют системным кризисом, а это значит, что его нельзя преодолеть, разрешив только какую-либо одну задачу или аспект. Но даже в случае решения многих задач, одновременного или последовательного, не снимается вопрос приоритета в их решении. Причем, эти процессы происходят в таком международном контексте, когда мировая геополитическая конкуренция и борьба с сильными игроками обострилась многократно. Ситуация, что называется, патовая.

Однако у этого исторического момента России есть и своя моральная или, если хотите, эмоциональная составляющая. У страны, по сравнению с другими великими развитыми державами, есть одно «секретное оружие», которым не может похвалиться ни одна другая из «великих держав». Этим оружием является

феноменальная самоотверженность русского человека и его способность переживать кризисные пороги. Уже не раз в истории они позволяли ей совершать то, на что и в половину не смогли бы сделать маститые конкуренты. Я имею в виду не только способность просто элементарно физически пережить нечеловеческий «советский век», но и способность в одиночку одержать победу в единоборстве с железной машиной нацизма, усиленного экономиками оккупированных «развитых» стран Европы, которые фашизм смял в одночасье. Об этой своей «развитости» Запад не любит вспоминать. Суровая истина той эпохи состоит в том, что за благополучную и изысканную жизнь этих стран, которыми они сегодня так кичатся, заплатила тогда миллионными жизнями Россия. Кто-то скажет, мол, это всего лишь преимущество людской физической массы, а не качество страны. Но кто мешал тем странам для собственного спасения вместо неуклюжей российской «массы» использовать свои столь хваленые качества и изысканность? Это — очень важный момент демонстрации нацией своей подлинной жизненной силы и творчества. В качестве еще одного аргумента в полемике с обвинениями в том, что Россия имеет лишь количественные экстенсивные средства преодоления кризисов, замечу, что в течение этой долгой, кошмарной советской эпохи, вопреки всему, фактически под запретом, чудом, рождалась и жила литература такого уровня и свойства, которыми не может похвалиться ни одна из самых прогрессивных западных стран. В действительности, исторически это был уже второй случай в истории России, когда она сумела в одиночку, лишь усилием собственных ресурсов преодолеть исторический катаклизм, бывший для нее глобальным. В самом конце XVII — первой четверти XVIII века, в эпоху правления Петра I, Россия также смогла сделать беспрецедентный рывок в преодолении огромного отставания от стран Запада. Об этой особенности знают не только россияне. «Россия... располагает многовековой традицией государственности, часто деспотической, но, тем не менее, обладающей значительным потенциалом объединения народа и мобилизации ресурсов в крайне сложной международной обстановке, заставляющей Россию конкурировать с более богатыми и мощными соперниками». (10)

Но если страна была способна пройти такие экстремальные тесты «на выживание» в таких экстремальных условиях, то, по крайней мере, сохраняется надежда на повторение «чуда». Вера в чудо — почти что любимое занятие россиян. В этом есть свои минусы, но есть и свои плюсы. Во всяком случае, одно можно сказать с полной определенностью: русский народ, как никакой другой, в силу принесения неисчислимых бескорыст-

ных жертв на свои и чужие алтари имеет право на обретение нормальной счастливой жизни. Будущее России сегодня зависит от того, насколько нынешние, наиболее достойные россияне смогут найти в себе силы в очередной, может быть, последний раз проявить нечеловеческую волю и самоотверженность для прыжка через пропасть. Такой социальный пафос — удел не всех, но историю только в теориях марксистов вершат массы, подлинную же историю творят героипассионарии и их воля. Такая воля в этой стране называется верой в Россию. И это и есть тот единственный камень-опора, на котором Россия может сохраниться для будущего.

От этого высокого пафоса я перейду к более прозаичному анализу тех минимальных возможностей, которые, на мой взгляд, еще теплятся в оскудевших закромах российского терпения. Оскудевших потому, что тот урон, который был нанесен русской культуре «большевицким бульдозером», выходит за рамки здорового воображения. Признаюсь, я не собираюсь предлагать какую-либо системную концепцию выхода России из тотального кризиса-катастрофы. Я решусь поделиться с Вами лишь некоторыми своими соображениями, с точки зрения системных подходов — несколько хаотичными, но которые, на мой взгляд, тем не менее, указывают на возможность преодоления постигших Россию бедствий.

На мой взгляд, существуют несколько параметров-констатаций, которые верно описывают катастрофическое состояние начальной, стартовой позиции России сегодня. Это, в первую очередь, быстро увеличивающееся глобальное, особенно технологическое, отставание России от развитых и передовых развивающихся стран. Второе, как следствие первого — фактор крайнего дефицита времени: обстоятельства геополитического противостояния не отводят России сколько-нибудь длительного отрезка времени, на преодоление этого отставания. Для определения дальнейшей судьбы страны отведено не более 10 лет, в противном случае технологический отрыв станет необратимым. Далее — недостаток совокупных ресурсов, людских особенно, для решения задач «большого скачка». Все остальные разнообразные средние и мелкие проблемы не имеют столь решающего значения.

В спасении этого «ноева ковчега» никакой заслуги властей нет. Все, что уберглось и выстояло, выжило не благодаря, но вопреки системе. И уж если кому и благодаря, то это живым людям, народу в целом (когда речь идет о войне). Королев, Плисецкая, Шнитке, Солженицын и сотни, тысячи безывестных людей по городам и весям России не стали гомункулусами, homo со-

ветикусами, но остались россиянами. Голодные и полуголодные, на голых руках удерживали эту страну, чтобы в ней еще теплилась надежда на будущее. Вот в таком состоянии Перестройка и передала ее все тому же народу для дальнейшего пути в будущее, но уже без «товарищей». Именно освобождение от этой ноши, пусть и не абсолютное, дает некоторый шанс и надежду на то, что этот процесс выживания будет иметь продолжение.

Но если «чудо» с Россией произошло хотя бы раз, то, возможно, его можно повторить — пусть бы даже эта задача была подобна задаче Мюнхгаузена по извлечению себя из болота. Само оптимистичное рассуждение о будущем России сегодня — из разряда чудес. Тем не менее, есть ряд факторов, которые, если Россия сумеет их использовать, могут создать предпосылки для реального шанса возврата России в лоно своей, пусть и смертельно потрепанной, цивилизации.

Этот возврат станет возможным одновременно с возрождением и восстановлением определенного перечня тех составляющих, которые образуют некое ядро любого стабильного государства в современном понимании. Сферы эти не составляют секрета, их названия мы часто слышим в масс-медиа: политическая система, экономика, армия, полиция, государственная безопасность, образование, наука, культура. Кто-то вместо этих традиционных понятий использует более модные: парадигмы, проекты, матрицы и т.п. Разночтения в области терминологии мало, что меняют. Все это — область того, «что» следует возрождать. В необходимости возрождения, как правило, царит полное единомыслие, разногласия — лишь в методах, приоритетности и последовательности. Подлинные, подчас «антагонистические», как говаривали марксисты, противоречия возникают мгновенно, лишь только мы переходим в область обсуждения того, «как возрождать».

Тут глаза экспертов разбегаются в необозримом диапазоне: от радикальных левых революций до правоконсервативных, а то и чисто монарших рецептов. Крайности, которые, как известно, редко бывают истинными, закономерно отбрасываются, и в результате полученный усредненно правильный ответ озвучивается на каждом шагу: необходимо строить демократическое общество.

Воля к власти или власть воли?

Я не стану говорить об изоциренных экономических моделях и нанотехнологиях как средстве преодоления отрыва. На мой взгляд, их развитие может быть успешным и быстрым

лишь как следствие успешного эффективного глобального управления страной. В этом, казалось бы, на первый взгляд очевидном решении, кроется секрет решения сложнейшей проблемы. Другими словами, это вопрос эффективности власти. У него тоже есть множество своих аспектов — от философского до муниципально-методического. Меня интересуют верхние уровни этой проблемы, так как начальная возможность «сдвинуть проблему с места» кроется там. На этом высшем уровне, и об этом мы тоже несколько раз выше оговорились, ответ как бы дан. Форма и суть власти, необходимой России сегодня — это «демократическая власть». В общей формулировке решение не вызывает серьезных возражений, но если попытаться проанализировать особенности демократии более подробно в применении к России, возникают некоторые, подчас тупиковые коллизии. Именно они и будут предметом моего рассмотрения ниже.

Даже несмотря на всю апатию и раздражение (а порой и ненависть) к этому понятию, вызванные в печально памятные реформаторские 90-е, демократия остается для россиян притягательным, магическим, не всегда понятным явлением. Но только ли для нее? «Один из парадоксов Америки начала XXI века состоит в том, что те из нас, кто называет себя либералами, во многом, по сути, являемся консерваторами. В то же время, те, кто называет себя консерватором, — в большинстве своем крайние радикалы. Либералы уверены: необходимо руководствоваться принципами демократии и нормами права; те, кто называет себя консерватором, добиваются наделения президента диктаторскими полномочиями и рукоплещут администрации Буша-младшего, которая без предъявления обвинений бросает людей в тюрьмы и подвергает их пыткам». Это говорит ни много ни мало авторитетнейший аналитик современной Америки, нобелевский лауреат от США, Пол Крутман — так он недавно охарактеризовал образцовую американскую демократию в своей книге. (11) Уж коли лучшие образцы — в сомнениях, куда уж там начинающим. Но в этом есть и свой плюс — возможно, поезд демократии не так уж далеко и удалился от станции отправления.

Демократия демократией, однако, вряд ли найдется такой эксперт, который однозначно скажет, методами какой демократии возможно преодолеть экстремально-катастрофические состояния государств. Вот, например, всех восхищающая Южная Корея (и не только она) совершала этот подвиг после войны в жестком авторитарном режиме, и ничего — сегодня демократия из демократий. Сегодняшние российские немцовообразные демократы явно отказали бы ей в ту пору в таком праве на авторитарность

и предложили бы взамен строго демократическую многопартийную процедуру, и случись она — Корея до сегодняшнего дня добивалась бы в изнуряющих дискуссиях решения элементарных экономических вопросов, не говоря уже о глобальных. Или, еще лучше, Китай, который от тоталитарного государства перешел к рынку и процветанию (пусть пока и умеренному), оставаясь тоталитарным. Успешно реализованная формула Ден Сяо Пина «одно государство — две системы» до сих пор составляет неразрешимый пазл для ортодоксальных демократов. Красные колхозы как акционерные общества — это явно не по Марксу.

Китайский и Корейский пример показывают, что вопрос о возможных степенях специфики демократии или авторитарности (зависит от установки) — совсем не праздный. В любом случае, ни я в данной статье, ни даже специализирующиеся на этом эксперты окончательного ответа на него не дадим, и мои задачи в данном контексте более скромны. Несмотря на то, что пример специфики Китая, а также невообразимых колен, выкидываемых странами образцовых демократий в отношении России «с любовью», нередко поднимает высокую волну сомнений в чистоте западной демократии, по крайней мере, в ее классическом западном варианте, других реальных, более конкурентоспособных образцов перед Россией пока что нет и ей, вероятнее всего, придется идти примерно по этому же пути. Но вот то, что поиск демократического «луча света» пока может быть только примерным, дает право и обязывает искать и различные новые возможности его понимания соответственно специфике страны.

Двуликий янус: Демократура

Успех многих новых и даже старых демократий зиждется вовсе не на эффективности этой формы власти в современном обществе, но на высоком уровне производительности труда в современных развитых странах, который обеспечивается, в свою очередь, высоким уровнем высоких технологий, что в совокупности обеспечивает этим странам высокий уровень материального благополучия и процветания. На этом фоне демократии изображают видимость своей эффективности, в действительности таковой не обладая, и даже более того — на этом спекулируют и паразитируют, — я подразумеваю коррупцию. Одновременно высокую степень социальной упорядоченности и организованности обеспечивает правовая организация этих обществ, что не равно аппарату власти, но есть кумулятивный продукт системы, берущей свое

начало со времен римского права и «общественного договора» Гоббса.

Главная острота проблемы выхода России из катастрофы заключается не столько в выборе политико-экономической системы, тем более, что по большому счету это уже произошло, сколько в необходимости чрезвычайной экстренности решения этих проблем. Самая грозная и главная проблема преодоления катастрофы современной России — это время. Его у России совсем нет и остается все меньше и меньше. Меньше для того, чтобы преодолеть огромный и пока все увеличивающийся разрыв универсального отставания страны от многих технических и социально развитых стран. Увеличивающийся потому, что технологический уровень большинства развитых стран позволяет им по-прежнему удаляться от России с возрастающей скоростью, несмотря на всю новую Российскую динамику. То есть, того темпа развития России, что она имеет сегодня, явно недостаточно. Никаких дополнительных сверхпроцентов роста здесь не хватит — необходимы разы превосходства по темпам развития, как у Китая. Тем более что геополитические «партнеры» России, как любят их именовать высшие российские руководители, вовсе не спешат способствовать решению российских задач и очень часто, даже наоборот, способствуют обратному. Чего только стоит их «поддержка» по семнадцатилетнему вступлению России в ВТО! А вот «развитые» Грузия и Украина — уже там. Как говорится — «без комментариев». Но вот эти «экзаменаторы» одновременно и есть главные эксперты по демократии. Парадокс слишком очевиден, чтобы делать вид, что его нет.

Есть, правда, немало сторонников совсем другой точки зрения — нового славянофильства — о том, что России вообще не надо копировать западную модель, но надо идти своим путем, мол, тогда и догонять не надо, ибо параметры разные. В этом подходе могут быть полезные нюансы, но не более. Обоснованная причина недоверия России к демократиям Запада заключается не столько во внутреннем несовершенстве западной демократии, сколько в ее внешних, «экспортных» проявлениях. Для России она действительно как бы «на лицо — ужасная, добрая внутри». Тот «бок», которым Запад поворачивается к России, не есть его лицо. Казалось бы, надо поддержать не вполне совершенную новую демократию в России. Ведь со времен Горбачева и особенно в самые «демократичные» времена Ельцина только и говорили о прогрессе демократии в России. Правда, каким-то удивительным образом развал России и ее экономики при активнейшем участии западных советников и экспертов в эту пору также имели сверхзвуковую скорость. Но вот как только у руля встал Путин

и, в отличие от своих предшественников, стал гораздо меньше поддакивать западным экспертам и финансистам, а экономика стала стремительно выравниваться, Россия, по мнению тех же самых западных экспертов и десятка бессменных, как бывшее политбюро ЦК КПСС, российских демократов, в одночасье снова превратилась в авторитарный деспотичный режим. Ну, так и напрашивается простонародная мысль: «Что-то здесь не так». За разъяснением этого «парадокса» обращусь к мнению крупнейшего эксперта по истории и футурологии России Натальи Нарочницкой из ее свежей книги «Россия и русские в современном мире»: «Мировая политика XX в. после разрушения исторической России трактуется как борьба либерального Запада с советским коммунизмом. Этот поверхностный тезис свойственен как отечественной — и марксистской, и «демократической», — так и западной историографии и политологии. Он успешно заслоняет истинные хитросплетения вокруг России в годы революции, после Ялты и Потсдама, и маскирует современную ситуацию. Но его упорно навязывают, во-первых, чтобы не признавать преемственность русской истории в судьбе СССР. Во-вторых, для того, чтобы скрыть берущее начало в глубине веков неприятие Европой феномена России в двух ипостасях: равновеликой геополитической силы и исторической личности с собственным поиском универсального смысла мироздания». (12)

В настоящее время мы все больше и больше становимся свидетелями того, что современные мировые политические тренды все в большей и большей степени становятся производными от соперничества глобальных культурно-цивилизационных установок, в частности, Китая, Латинской Америки, США, Европы, арабского мира, России. Не каждой стране или даже континенту, например, Австралии, Канаде, Индии, Японии, даже Германии и проч., это по силам. Некоторые, как Россия, Япония, Индия, находятся почти на грани способности и неспособности создавать собственный подобный тренд. Однако вся эта панорама одновременно есть постепенная замена единолично доминировавшей последние полвека американской модели демократии и стиля международной политики. Будущее за некоей грядущей «конвергенцией» этих двух — уходящей и приходящей — моделей.

Но пока что в своей битве с «драконом отставания» Россия в основном остается в одиночестве и с огромным дефицитом времени на его преодоление. По современным понятиям, Россия сегодня — развивающаяся страна, одна из четверки БРИК — как бы элитарная в классе развивающихся. Но вот в самой этой четверке одна — Китай — уже явно ушла в отрыв. Как в пого-

ворке: «А — упала, Б — пропала, кто остался на трубе (нефте-газовой)?». В отличие от России, и у Бразилии, и у Индии, при всех их больших проблемах, не было в истории последних столетий катастроф, подобных Русской революции. Пропавшая английская колонизация Индии — сегодня в чем-то даже и преимущество. Одно только преимущество английского языка чего стоит. И населения у Индии — больше миллиарда, у Бразилии — почти 200 миллионов. Демографическая проблема для стран с огромными территориями — это не то же самое что, скажем, для Швейцарии. Здесь критический минимум необходимого для выживания страны населения исчисляется сотнями миллионов. Вот в России эта одна полная сотня только и есть. Казалось бы, не первая по качественным параметрам, экстенсивная проблема, но и она сейчас для России также в чрезвычайном, катастрофическом состоянии.

Авторитаризм — это не страшно

Исторически, и не только в России, какие-либо чрезвычайные, стремительные позитивные или негативные сдвиги в развитии тех или иных стран, культур, цивилизаций происходили и происходят лишь в случаях принципиальных субъективных волевых решений. «Волевых» — не всегда значит «насильственных». Это очень важно, потому что самый излюбленный извечный прием демократов на предмет «критики» любой волевой авторитарной системы — это отождествление ее лишь с насильственным режимом. Им будет трудно ответить на вопрос: «Не утрачивает ли, например, консервативно-демократическое большинство с усиленным элементом авторитарного лидера статуса системы демократической формы правления?». А ответ, между тем, очевиден: «Не утрачивает!». Такие варианты всегда могут возникнуть в любой президентской республике или парламентской республике с консервативным большинством в парламенте или авторитарным президентом во главе. В той или иной степени реальными прототипами (если не типами) такой модели, в случаях преобладания консерваторов в парламентах, являются сегодня и Франция, и США, и... Россия.

Все это наводит на некоторые общетеоретические умозаключения. Вместо пресловутых закономерностей социального развития в духе исторического материализма, с соотношениями базисов и надстроек, включая политическую, закономерности могут быть формулируемы и принципиально иначе. Например: *общественное развитие есть последовательная эволюция социальных форм, качество и динамика которых определяется энергией субъективно-волевых актов, равнове-*

шиваемых системой общедемократических правил и институтов. Например, такая дефиниция, создает эффект своеобразного «принципа дополнительности Нильса Бора», только в отношении социальных систем. На разных этапах социального развития в разных контекстах, в зависимости от социальных задач и состояний, может усиливаться либо один (консервативно-авторитарный), либо другой (умеренно-демократический) аспект. Причем, как мне кажется, в основном возрастание потребности в авторитарности усиливается в наиболее кризисные, переломные, моменты, а потребность в умеренном демократизме — на этапах мирного эволюционного развития. Если в социальной действительности происходит обратная подмена этого соответствия, то результирующий эффект непременно оборачивается патологическим социальным кактаклизмом одного или другого типа.

К тому же, авторитарность в данном случае, в отличие от классической демократической интерпретации, — это и не плюс и не минус априори, но лишь один из модусов правления. Какая кому выпадет авторитарность в этом смысле — позитивная или негативная, — дело исторических обстоятельств. Сегодня консервативная демократическая авторитарность и умеренный демократизм — составляющие одной общедемократической системы. При этом, в определенных исторических обстоятельствах и авторитарность, и демократическая умеренность (как неспособность) могут выходить за рамки общедемократической системы, превращаясь либо в авторитарную левую диктатуру (Октябрьский переворот), либо в видимость демократии: хаособразное аморфное состояние безвластия (финиш февральской революции) или имитирующее власть вообще (как, например, в современной Латвии). В Февральскую революцию авторитарной революционной ленинской власти вместо адекватной авторитарной консервативной (или даже умеренной) демократической власти была противопоставлена неадекватная по силе, но красивая по «позе», умеренная недееспособная дискутирующая демократия Временного правительства. Даже Ленин когда-то изворотливо двусмысленно подметил эту диалектику авторитарного и демократического в своем знаменитом принципе «демократического централизма» как принципе организации партийного коммунистического руководства.

Как это ни парадоксально звучит, но при данной интерпретации понятий авторитарность для демократии — не обязательно помеха. Этакий кентавр власти — авторитарная демократия, «демократура». Каждый из двух акцентов общедемократической власти в данной модели может быть по-своему хорош на своем месте и

в свое время. Авторитарность — это не автоматически абсолютная монархия или авторитарная диктатура. В переломные моменты между авторитарной составляющей и умеренной демократической происходит своеобразная конкуренция, борьба за доминирование, и это всегда драматическая ситуация. Сегодня авторитарность не обязательно всегда связывать лишь с индивидуальным, личностным — возможны варианты командной авторитарности. В применении к России достаточно вспомнить авторитарность Ельцина в союзе с командой хоть и молодых, но консервативных (жестких) демократических реформаторов.

В теориях методологии науки примерно аналогичную концепцию взаимной сменяемости личностно-революционного и коллективно-эволюционного в применении к научным революциям в научных сообществах изложил Томас Кун в известной работе «Структура научных революций», чем ввел в словарное употребление научного сообщества фундаментальное методологическое понятие «парадигмы» (взятое им из лингвистики). Сформулированная выше взаимодополняемость авторитарного и умеренно-демократического на подобные лавры не претендует, но наличие концепции Куна является некоторым, пусть и косвенным, подтверждением неких аналогичных особенностей и закономерностей развития, пусть и на примере научного знания.

Еще один подтверждающий пример. Обратите внимание, уже лет 20 как в современном менеджменте, особенно на практике, после долгих красивых теоретических дискуссий о «командном» демократическом стиле управления, очень быстро, даже в теории, пришли к признанию большей эффективности авторитарного доминантного стиля. Сегодня, в 95 процентов мировых рекрутских контор на должности топ менеджеров в первую очередь выискивают именно эти доминирующие типажи как наиболее предпочтительные. В частности, очень (если не самой) популярной является изоциренная методика отбора менеджерских кадров «DISC менеджмент», в которой латинская буква D означает «dominant», и обозначает наиболее предпочтительный для любой компании психологический тип авторитарного руководителя. К такому «недемократическому» итогу мировой менеджмент пришел потому, что альтернативный дискуссионный демократический тип управления делал компании неконкурентоспособными. Если кто из Вас сталкивался с бизнесом на практике, то он хорошо знает эту истину. Специально для российской практики надо добавить, что авторитаризм не следует путать с экзотикой — хамством и криминалом (хотя нередко они совместимы).

Конечно, аналогии не есть исчерпывающий метод доказательства. Но, в конце концов, в юриспруденции также существует понятие «прецедентного права» — а это уже ближе к доказательности.

Умеренный (максимально общественный) демократизм высшей власти, будучи вещью очень красивой и эффективной в «сытой» стране и в спокойное время, становится невероятно неэффективным в случаях, когда необходимо преодолевать острый кризис или, тем более, катастрофы. Приведу микропример авторитарной демократии из практики дорожной полиции США (лучшая страна для таких примеров). Если водитель автомобиля существенно грубо нарушил правила дорожного движения, то первое, что делает полицейский, остановив нарушителя, направляет на него оружие и просит положить руки на рулевое колесо и, в случае чего, — стреляет! Вот и сравните с поведением в аналогичной ситуации милиционера в «авторитарной» во всем России. Но столь четкая система «демократии» действует в Америке не только в дорожной полиции. Более подробно я коснусь этой мысли ниже. До тех пор, пока во всех общественных процессах современная Россия не начнет действовать столь же «демократично» как США, ничего не получится. США сегодня — более жесткая и авторитарная страна, чем Россия, и, подозреваю, сама Америка об этом догадывается и... помалкивает. И если бы Россия, не оглядываясь на «демократических доброжелателей», начала действовать соответствующим образом, многие, если не все катастрофические проблемы нашли бы свое решение.

Иллюстраций этой закономерности в мировой истории вы найдете более чем достаточно. Отмечу лишь по фигурам: Наполеон, Гитлер, Де Голь, Броз Тито. В России это князь Владимир, Иван Грозный, Петр Первый, Ленин, Сталин, возможно — Путин. Это те случаи, когда в большей или меньшей степени, с позитивным или негативным эффектом верх брала авторитарная доминанта.

Дело в том, что такое понимание полюсов демократизма предполагает даже возможность некоторой исторической мирной преемственности между обществами республиканско-демократическими и авторитарно-монархическими, что, на самом деле, в истории и было. Конституционные монархии, действительно, к парламентским республикам стояли и стоят гораздо ближе, чем последние себе вообразили. Конституционная монархия во главе со слабым монархом и сильным парламентом не многим отличается в наличии демократизма (и, соответственно, отсутствии монархизма) от парламентской республики со слабым парламентом

во главе с сильной авторитарной личностью. Монархический стиль правления формально демократической партией — такая ли уж это невидаль в парламентских немонархических странах? Представьте себе, что во главе некоей умеренной, вполне демократической правящей партии воцаряется некий авторитарный лидер. Остается ли страна, в которой это происходит, демократической? В частности, недавно лидер оппозиции Италии Джанфранко Фини обвинил Берлускони в том, что он правит своей Партией свободы, «как монарх». По накалу обвинения у меня не сложилось впечатления, что это лишь метафора. Вариаций из подобных комбинаций в старой и новейшей европейской истории Вы найдете более чем достаточно. В действительности, принципиальная несовместимость между авторитарно субъективными и коллективно демократическими формами правления искусственно раздута умеренными демократами, так как это — пугать авторитаризмом — в их интересах: конкуренты как никак. Их понять можно: они в этой конкуренции — более слабый участник. И это «единство противоположностей» в современной мировой политике практикуется каждый день.

Все лидеры партий желают, чтобы во главе партии была яркая, сильная личность — а это путь к авторитаризму. Даже властная олигархия — казалось бы, столь однозначно негативный термин, — в зависимости от социально-политического и исторического контекста может оказаться лишь формой, подразумевающей различное содержание, не говоря уже о целеполагании и мотивации — «во имя чего» и «ради чего»? Извиняюсь за фривольность сравнения, но еще совсем недавно и термин гомосексуальность резал слух, а само явление преследовалось по уголовному закону. Изошренность возможностей современных политтехнологий и недетская игра с ними (например, в виде «цветных революций»), делают возможным подмену традиционных семантических смыслов, казалось бы, самых устоявшихся политологических понятий и процессов, они могут посредством своих методов манипулирования превратить в общественном сознании что угодно во что угодно. С понятием «демократия», в силу названных причин, эта двусмысленность уже происходит в обратном, по сравнению с понятием «гомосексуализм», направлении.

США, самая сильная демократия мире, в то же время имеет и самую сильную армию мира, и как только демократических аргументов недостает, в ход сразу вступает сила. Так что иногда и не поймешь — то ли сила действует во имя демократии, то ли демократия работает на прикрытые силы.

Авторитарность — это не оппозиция демократизма и недемократизма, левизны и правизны, консерватизма и либерализма, но индивидуального и коллективного, точнее, индивидуально-харизматичного (пассионарного) и коллективно-рецидивного. Обе антитезы в равной степени могут проявиться и в демократической, и диктаторской модели, причем в каждой в равной степени положительно и отрицательно. Отсюда, в качестве возможных вариантов может быть самый широкий спектр властных моделей: от бесчеловечных диктатур лишь с формальными признаками демократии (типа Рейхстага времен Гитлера и Съездов Советов при Сталине) до сильных демократий во главе с крайне слабым лидером (типа Буша в период его наивысшей популярности). В странах с сильными долголетними демократиями на те относительно короткие периоды (в силу цикличной процедуры взаимной сменяемости партийных команд), когда у власти может оказаться слабый умеренный демократический парламент и авторитарный лидер с антидемократическими диктаторскими особенностями, общая сильная демократическая система в стране (которая не сводится лишь к институту парламента) гасит опасные возможности по превращению ее в авторитарную диктатуру, хотя, несомненно, и теряет в демократизме, причем, в зависимости от сочетания, может терять очень много. И наоборот, если в стране нет такой сдерживающей системы, то такая, со всеми формальными признаками демократии страна превращается в негативную авторитарную диктатуру. Так случилась с Россией в 1917 году, когда у нее имелось наихудшее сочетание этих двух факторов: неразвитой системы демократии в обществе, что для того времени даже в Европе не было такой уж и аномалией, с одной стороны, и, напротив, на другом полюсе наличие уникально харизматичного, ураганного лидера, имевшего, к тому же, крайне сильную профессиональную международную поддержку (в лице Генерального штаба Германии и внешнеполитических интриг Великобритании).

Вопрос природы авторитарной власти крайне важен, на мой взгляд, для понимания прошлого и настоящего Российской катастрофы.

Парадокс, но, на самом деле, умеренные демократы в своей деятельности наиболее эффективны тогда, когда они — в лице своего лидера — наиболее авторитарны! Настоящая проблема «недемократической» авторитарной власти в модальности персоны. Кстати, и у умеренной демократии — в том же самом, только во множественном числе персон. Но преимущества первой (авторитарности) — в большей мобильности и прозрачности власти, равной, условно,

одной персоне. Персона больше на виду, если даже и пытается скрыть свои «скелеты в шкафу» (например, Ленин или Сталин), а вот в случае с «демократическим коллективом» — там вы виноватых не найдете никогда, один «демократический туман» с бесконечной сменой туманов (правительств), как выражались в советские времена — «круговая порука». Современный Латвийский парламентаризм тому самое ярчайшее подтверждение. То есть, всем этим я намекаю, что демократы — не так уж демократичны, а авторитеты — не так авторитарны.

Противоречивый парадокс природы человека и социума заключается в том, что авторитарность и автократия — «глобальные» союзники *alter ego* индивидуализма и личной свободы, лежащих в основе систем демократии и либерализма — через это самое стремление к свободе и личностной независимости и правам, лежат, соответственно, в самой природе человека и общества. Полное устранение этого противоречия невозможно — оно означало бы создание человека с другой природой. Отсюда для современных демократических обществ следует одно нелицеприятное следствие. В системе даже самых демократически и либерально организованных обществ непреложным и даже, как это не покажется кощунственным, естественным образом постоянно в разных степенях, вплоть до самых высоких, будут проявляться «родовые пятна» автократий и авторитаризмов. Но не следует особенно драматизировать ситуацию, потому что, как я уже говорил, проявление автократических тенденций в высокоразвитых демократиях гасится силой общедемократического контекста общества. Это большой дискуссионный вопрос. Лично я сам, будучи, в целом, сторонником концепции универсальной истории Френсиса Фукуямы на основе принципа либерализма, тем не менее, очевидно замечаю, что золотые спокойные времена бесспорного превосходства классической модели Западной демократии завершаются. Ей все больше и больше придется отвоевывать свое право на истину в конкуренции с более или менее подобными ей моделями власти. Ее лучшие времена своему процветанию в значительной степени были обязаны наличию в мире дурной альтернативы в лице коммунистической системы, на фоне которой не то что демократия смотрелась хорошо, но и монархия Николая II смотрелась бы неплохо. Как ни парадоксально, я, наверное, будь у меня машина времени, предпочел бы просвещенного монарха варварскому президенту (типа Ельцина).

Историческая иллюзия современности заключается в том, что в XX—XXI веках уже давненько существовало и существует множество авторитарных демократических государств,

которые о своей авторитарности либо лукаво умалчивают, либо наивно не догадываются, либо знают, но в корыстных соображениях (чтобы замаскировать свой авторитаризм) убеждают всех вокруг в своем неавторитарном демократизме. Вспомните хотя бы «скромное обаяние» «Железной леди» Великобритании. Эти очаровательные лукавства были любимым занятием Запада в отношении России долгие досоветские и советские годы (и сейчас в не меньшей степени) — во всех красках расписывать ее авторитаризм, как анти-демократизм, и, наоборот, бахвалиться своим демократизмом, за которым сплошь и рядом, правда, выглядывают рожки (а то и лосиные рога) авторитаризма.

Почему я так увлекся сопоставлением авторитарного и умеренно демократического? Дело в том, что сегодня существующий и формально законодательно закрепленный тип власти в России (и не только, например, также и в США), очень близок к той формуле, которая должна быть эффективной в решении экстремальных, чрезвычайных состояний социума, и заключается в наличии значительного запаса авторитарности, без нарушения общедемократического каркаса общества. *Сегодня в стиле Российской политики можно наблюдать легкий дрейф в сторону авторитарности, но, на мой взгляд, пока что недостаточный для того, чтобы выправить катастрофизм ситуации. Произойдет это или нет — от этого в значительной мере будет зависеть судьба преодоления рокового барьера необратимой катастрофы России.*

Назад, в империю?

Если кому-то мои размышления об авторитарности как необязательно недемократическом типе власти показали крамольно-покусительными на идеалы демократизма, то боюсь, впереди в моих рассуждениях Вас ждет еще большее разочарование. Значимость вопроса авторитарного типа демократии в случае российской истории актуальна также в связи с активной дискуссией об имперской ипостаси России прошлого и настоящего. Возврат к идее Российской империи, как бы невероятно это ни казалось (на фоне того, что сегодня происходит в геополитических и цивилизационных диффузиях, уже ничто не кажется удивительным), в сегодняшних публичных и академических дискуссиях совсем не такая редкость. Предлагаемые к позитивному усвоению версии варьируются от вульгарно-лозунговых призывов, правда, с элементами здравого смысла, в духе Проханова, до детально и теоретически аргументированной концепции В.В. Ильина. Последний, в частности утверждает: «Пришли большевики, сломали монархическую

империю. Пришли демократы, сломали коммунистическую империю. Декорации меняются — суть постоянна. За какую бы политическую ширму правительства не прятались, России хорошо при сильной власти, строящей или восстанавливающей ее как империю». (13)

По мнению Ильина, потребность для России имперостроительства вызвана ее исторической геополитической миссией. Чтобы проиллюстрировать столь смелые заявления автора, приведу пространное рассуждение одной из его программных работ. «Историческое призвание, назначение России — быть фактором Евразийского равновесия как системообразующего элемента глобального равновесия, межгосударственной, межцивилизационной стабильности. Россия — держатель равновесия между Западом и Востоком в хартленде; условия ее жизнедеятельности — соблюдение своих исторически преемственных интересов в «сердцевинной земле». Судьба России, завещанная ей предками, — обеспечение ее непреходящей геополитической миссии в Евразии, целостность которой сейчас в результате преступного развала империи нарушена. Последнее не замедлило сказаться на массе конфликтов по всему периметру границ бывшего СССР. Всем стало плохо». (14). Если же мысли В.В. Ильина вам показались шокирующими, то мне они, по крайней мере на уровне свободной научной дискуссии, таковыми не кажутся. Во всяком случае, если без шор предвзятости хорошенько оглядеться вокруг, то можно уже «здесь и сейчас» обнаружить некие субстанции, подобные империям.

Внутригосударственно США сегодня — сильная попеременно либерально-консервативная демократия с сильными, авторитарными президентскими атрибутами, внешне- и геополитически — мощная империя с ультрасовременным технологическим (вместо архаично-римского) антуражем, но по своей геодоминантной сути она вполне подобна даже архаичным империям. Если убрать технологическую шелуху и маскировочные пиар-технологии, то чем она не римская империя с сенатом, палатами, императором (пусть и президентом) и... мощной армией, являющейся главным инструментом внешних имперских завоеваний (замените на слово «контроль», хотя и о военных завоеваниях тоже не следует забывать, — особенно в богатых залежами нефти регионах), — только теперь уже не только близлежащих стран-территорий (замените на «рынки»)? Этакая новая-старая *хай-тек* империя. Вы возразите, мол, тут же все другое! А кто сказал, что должно быть точно так же, «слово в слово»? — Нет, могут быть вариации, как в симфониях. Вариации вариациями, но «симфонии» остаются «симфониями», в смысле империями. Скажете, что американцы со мной не согласятся?

Конечно, не согласятся — они никогда ни с кем не соглашаются и делают все и везде как хотят, как... римляне. Впрочем, знаете, отнюдь не все не согласятся. Вот что говорит «мозг» американской политики в последние как минимум пол века и главный «дежурный по России» Збигнев Бжезинский: «Американо-советское состязание — не какое-то временное отклонение, а исторически сложившееся (курсив мой - Е.З.) и в будущем длительное противоборство. Это состязание носит глобальный характер. Это — борьба не только двух стран. Это борьба двух империй». (15) Одна из них, понятное дело, — «демократическая». Еще раз напомню, что это мнение главного архитектора русской политики США. Теперь кое-что к вопросу не только об имперском мышлении. Все почему-то в имперском мышлении подразумевают только русских и считают это дурным тоном. Неуместная параллель? Может быть, но я от нее, даже с трудом, не могу избавиться — слишком много в ней реальных «совпадений». Более того, пока я о ней размышлял, на ближайшем горизонте замаячил «второй экземпляр» подобного же монстра — геостратегический интеграционный проект «Большой Китай», а там, глядишь, объявятся Индия, Бразилия... Тут совпадения пока что не по всему множеству признаков, но ждать осталось недолго. Похоже, что чем дальше от умерших империй, тем больше нарождающихся. И не мудрено — ведь империи претендуют на силу, а к этому сегодня стремятся многие, особенно большие игроки.

Один из наиболее полных сравнительных анализов особенностей России как империи — как дореволюционной, так и коммунистической — представлен в объемистой работе Доминика Ливена «Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней» (к сожалению, в переводе названия работы кроется некоторое, умышленное или нет, лукавство: термин оригинала *rivals* — «соперники» переведен как «враги»). В ней Ливен выносит однозначный вердикт любым империям и российско-советской в том числе: «Сегодня будет тактичным назвать государство империей только в том случае, если оно давно прекратило свое существование и уже не имеет шансов на возрождение. Для человека двадцать первого века империя одновременно является и антидемократическим, и безнадежно устаревшим образованием, аморальным и изжившим себя. По отношению к Советскому Союзу этот вердикт справедлив вдвойне. Советский Союз был империей». (16) То факт, что автор, как видим, бескомпромиссно негативно оценивает любые империи как модели государственности и власти, не мешает ему в данной работе часто, очень пространно и не всегда убедительно анализировать, к примеру, те же США как кандида-

туру на звание империи: «Что касается международной роли Соединенных Штатов, то она тоже не так велика, как роли империй. И, как в случае с американскими внутренними делами, не быть империей — вовсе не обязательно и не всегда значит нести в себе печать добродетели». (17) Или другой его перл: «В отношении внутренней политики Соединенные Штаты однозначно не являются империей. Американский президент не управляет обширными завоеванными территориями без согласия их населения. Отчасти это происходит оттого, что коренное население Северной Америки было ассимилировано или в отдельных случаях истреблено. Не только в Америке, но практически везде происхождение сегодняшних демократических государств может оказаться более жестоким и кровавым, чем происхождение империй. Что, впрочем, не отменяет того факта, что современные Соединенные Штаты являются демократическим национальным государством, а не империей». (18) По крайней мере откровенно. О том, как США руководствуются подобной логикой «не империи», особенно в международных делах мы узнали с вами, прочитав Бжезинского. Не вносит большей ясности в оправдательные речи Доминика Ливена и одно из двух основных его определений империи: «Хотя в действительности я определяю империю до последней степени просто и незамысловато: это могучая держава, оказавшая большое влияние на международные отношения своего времени. Я также имею в виду методы управления большими территориями и мультиэтническими конгломератами, что составляет главную проблему всех империй. Для меня империя по определению — «не демократия», другими словами, не государство, которое управляется с высказанного в той или иной форме согласия народа». (19). С первой частью определения нельзя не согласиться, а вот истинностная чистота второй в последнее время несколько подмочена разоблачительными публикациями *Wiki Leaks*. Остается только определить, где больше правды: в засвеченных файлах или в «конституционных» речах госпожи Клинтон. Опыт Китая ставит в тупик западных демократических критиков. Получается что же — мощные стремительные динамические прогрессивные системные преобразования общества могут быть проведены авторитарным, а то и тоталитарным режимом, или, по крайней мере, режимом с таковыми доминантами? Однако высокоцивилизованные демократии не только не чужаются таковых, но активно с ними дружат, подстраивают под них свою экономику и занимают даже деньги.

Возвращение человека

Что я назвал бы второй по значимости после выбора модели власти задачей России — это возвращение человека, россиянина на свое подобающее статусу его страны место. Что я подразумеваю? Выше я обрисовал, что восстановление разрушенной связи между россиянином и историческим укладом жизни — есть один из важнейших, если не самый важный момент «возрождения» России. Понятно, что речь не идет о буквальном возврате россиянина в дореволюционный образ жизни, тем более что таковой был далек от идеального. Но у каждой страны, когда она благополучна, есть некий общий принцип гармонии человека со средой обитания, природой-ландшафтом, сезонными и климатическими особенностями, его умения и желания трудиться, в его вкусах и жизненных пристрастиях в жилище, одежде, еде, отдыхе, празднованиях, языке, песнях, юморе и т.д. Мы знаем, как все это сегодня на уровне типичного россиянина искажено и изуродовано даже не в том смысле, «как оно есть», но и в том, как ему «хотелось бы». Россияне, не все, но, боюсь, большинство утратили чувство достоинства как важнейший элемент цивилизованного, мотивированного и осмысленного социального поведения. По жизни современный «портфель» бытия россиянина с коррупцией, криминалом, пьянством, правовым нигилизмом — не миф. Сто лет вбивания в головы поколений ложных идеалов, утопий и иллюзий и быстрая их замена (в Перестройку) на «кашу» — такое не под силу выдержать даже очень и очень подготовленным философам. Эта «катастрофа сознания» не многим уступает демографической или экономической катастрофам. Задача «вернуть человеку его мозги» для жителя России сегодня, возможно, даже более важная, чем демография или нанотехнологии.

Преодолимо ли такое бедствие? Во-первых, очень и очень есть «из чего», в смысле «из кого» преодолевать. Вот уж воистину «неупиваемая чаша» России — это человеческие таланты, рассыпанные везде — в глуши, в столицах. Чего только стоит один феномен Перельмана. Вот только эти «кто» должны найти свое место. В социальной «субординации» граждан и их места в социуме в России, как ни в чем другом, сегодня «все не так ребята»: пироги печет сапожник, а сапоги точит пирожник. А еще недавно «кухарка управляла государством»... целых сто лет.

В государстве, которое, как одаренный юноша, мечтает о нанотехнологиях и архитектурах XXII века, в стратегических интеллектуально-значимых местах (от школы до правительства), по-прежнему, преобладает армия геронтократов и номенклатурных ветеранов советского об-

разца. А самая высшая власть делает пока лишь робкие умеренно демократические (те самые) реформаторские попытки, которые ни к чему не привели и не приведут. Требуется метла по жестче — поавторитарнее (та самая). При этом, я опять немодно выскажусь, команда которой «мести!» уже дана и находится на своем адекватном месте. Не хватает концепции и волюнтаризма.

Когда-то Вернадский, широкими кругами соотечественников теперь уже подзабытый, создал гениальную выдающуюся концепцию ноосферы, которая, в силу ее глубокой несовместимости с марксизмом, была всегда у коммунистов «не ко двору», но которая есть один из глубочайших вариантов концептуального философского обоснования развития человека, обществ, России в том числе. Вспомнил я ее при обсуждении задачи преобразования сознания россиян потому, что главный тезис этой теории формулируется как утверждение о разуме как главной преобразующей мир (от геологии до культуры) силы вселенной.

Причем, из этого тезиса нет потребности выстраивать религиозное сознание. Постулат очень близкий к понятию «природы» у Спинозы, который так же не придавал ему религиозного смысла, за что и был жестоко наказан собратьями из родной религиозной общины.

Вопрос дополнения сознания человека, в том числе россиянина, религиозным сознанием очень, понятное дело, не простой. Как быть с православием, исламом, иудаизмом и их местом в сознании россиянина? Во-первых, и это проблемный аспект, всем этим конфессиям самим надо дорасти немного хотя бы до светского принципа толерантности и по отношению к своим собратьям по вере, и по отношению к «несобратьям» и, уж тем более к неверующим вообще. Пока что как-то не получается быть терпимыми, как учат их же собственные учения, и не устраивать бесконечных междоусобных «разборок». Речь идет не о высших конфессиональных иерархах, но о земных чадах, обычных прихожанах. Во-вторых, даже при условии обозначенной проблемы, по крайней мере традиционные мировые религии в целом исторически неплохо себя показали на поприще культуры и этики. Напротив, в гносеологическом и эпистемологическом отношении религиозное знание — не лучшее подспорье для человека, но и двух первых (культуры и этики) хватает вполне, чтобы они стали важной составной частью процесса оздоровления сознания для тех, кто склонен к религиозному мировоззрению.

В обновленном, гуманизированном сознании российского общества образованию и культуре должно быть отведено важнейшее мес-

то. Из них формируется тот стержень в человеке, который не позволяет ему превращаться ни в «пьяную свинью», ни в «криминального подонка», ни в чиновничье «кувшинное рыло» — русских героев из капричос Гоги.

Образование, культура, искусство, наука и есть главные конечные ценности и человека, и общества и должны таковыми становиться для нового россиянина. В бурной дискуссии о приоритете между культурой и экономикой судить быть не трудно. Ценностный приоритет культуры и, соответственно, образования и науки очевиден, но попробуйте усмотреть его в России в действительности. Отсюда и экономика такая, какая есть. Парадоксальная проблема: необходимо «окультуривать» самую культурную, как мы недавно считали, страну мира. И это тоже один из печальных итогов революционной катастрофы. Но повторюсь еще раз: эту глобальную и главную задачу России потенциально есть «кем» решать. И это главное. В подробности о том, каким должно быть именно «хорошее образование», «хорошая культура», тем более, «хорошее искусство», не буду вдаваться. Простейшие по формулировке и истинные по содержанию ответы в этих сферах лежат на поверхности. Образование, если оно является приоритетом, должно быть бесплатным, гуманным, творческим и развивающим. Все гениальное — просто, но трудно реализуемо. С прагматической точки зрения ясно, что этот блок проблем не может строиться по остаточному принципу и задвигаться в конец цепочки приоритетов, коль скоро он самый важный, и все об этом говорят. Беда в том, что те, кто говорит и принимает по ним решения, как правило, к этим сферам никакого отношения не имеют, и в себе их категориальные характеристики не несут.

Не так сидим

У вопроса возвращения россиянину чувства достоинства и достойного сознания, есть также прагматический социальный аспект: обретение каждым россиянином своего, ему соответствующего и достойного места, на котором он в состоянии принести максимум пользы как самому себе, так и России.

Главный ресурс и главная слабость России сегодня — это ее люди. Одни — аверинцевы, перельманы, плесецкие, королевы, другие — геронтократы, люмпены, уголовники, алкоголики, наркоманы, туенядцы. Одни — впереди планеты всей, другие более убоги, чем жители фавел и Со-уэто. Самое слабое звено России — чиновник, он сегодня — в центре проблем. Успех России — это успех борьбы с этим «монстром». Главный инс-

трумент, способный в современной России совершить чудо, это, только не пугайтесь, — человеческая селекция. Решающие, значимые места социальной системы заняты «разнообразными не теми», и наоборот — талантливые, молодые, энергичные, честные плесневеют по углам. Объяснение тому слышно все то же: система такая, чего Вы хотите? Но ведь Россия собралась менять систему, причем радикально. Решение этой задачи не требует никаких гигантских финансовых затрат и ресурсов. Одновременно это и наиболее мощный ресурс позитивных радикальных изменений. Ситуация сродни петровскому времени: бояр да замшелых купцов поменять на энергичных «служивых». Частично, где-то на несколько процентов от ста, это происходит.

Для России сегодня удержание или увеличение темпов экономического роста на уровне 3-5 процентов, чем она даже и гордится, разумеется, абсолютно недостаточно. Для того, чтобы по крайней мере не увеличивать отрыв отставания, необходим рост (интуитивно) на 20-25 процентов. «Абсолютно нереально», — скажет любой. Но с другими цифрами никакого «преодоления разрыва» не получится.

Задачи, казалось бы, абсолютно утопичные. Но эта ситуация фактическая, и выхода из нее с другой степенью ускорения развития — нет. Поэтому я и вынужден говорить о «чуде» как единственном средстве. Но возможность превращения чуда в реальность в условиях сегодняшней России может быть связана именно с фактором наличия таких человеческих ресурсов, которым по плечу реализация таких сверхзадач, — этим ресурсам лишь необходимы адекватные места. Высокой власти необходимо быстро разработать и внедрить на общегосударственном и повсеместном уровне систему выдвижения новых и замены «старых кадров»: губернаторов, академиков, чиновников, полковников, милиционеров, ученых, учителей, врачей, инженеров, прорабов, дворников. Но не так, как это делается сегодня, но в 10 раз быстрее и в 10 раз масштабнее. «Да где же вы их наберете, честных полковников или умных ученых?», — не замедлит прозвучать вопрос. С юношеских лет по зрелую пору, везде и всегда я наблюдал в Союзе, а теперь — в России одну и ту же картину: дурак рулит, а пятеро умных и в десять раз более достойных стоят обреченно рядом. Везде — в школе, вузе, на заводе, в театре, больнице, музее, библиотеке, в союзах писателей, журналистов, архитекторов... Проведение такой «рокировки» — это исключительно волевая, интеллектуальная, правовая и организационная задачи. Скажете, утопия? Вот, коммунистическая утопия, примитивная и убогая, реально просуществовала сто лет. К тому же, если вы действуете на 180 градусов противоположно

утопии, у вас непременно получится создать реальность. Это как раз пребывание у власти и «на местах» всех фиктивных и недостойных есть утопия.

Процедура большой кадровой рокировки при дефиците времени, очевидно, будет не демократической, но скорее авторитарной, что-то в духе смены мэра Москвы. Однако, даже на этом примере видно, что ни кровопролития, ни беспорядков, ни даже дополнительных финансов она не потребует. Просто она должна быть быстро и тысячекратно повторена в других местах. Когда-то Петр Первый осуществил ее всего лишь за 43 года своего правления. А вот Ленин спустя 200 лет эту же процедуру с точностью до наоборот осуществил за 5 лет. «Утопии» в России уже дважды были былью.

От какого наследства мы не отказываемся

Главное зло большевизма-коммунизма — идеология, и об этом я сказал выше. Но я — это не тот уровень, сказанное на котором чрезмерно важно для России. Солженицын во многих своих работах отмечал, что одной из важнейших причин утраты власти в России доверия народа, является отсутствие между ними диалога. Похоже, эта печальная традиция до сих пор не прервана. Со времени Горбачева в отношении ее так и не прозвучало развернутого объяснения-ответа со стороны власти, не считая некоторых отдельных скороговорок (о том, что «бесчеловечный» режим, «преступные действия» и т.п.). Правда, был прецедент Александра Яковлева, единственного из всей «армии коммунистов» (к которым он уже фактически не принадлежал), кто серьезно и вполне теоретически попытался на этот счет объясниться. Но, как известно, Горбачев его откровений не принял и оценил как «перегибы», а более поздняя власть и совсем о нем забыла. В итоге все получилось как частное дело Яковлева. Даже доклад коммуниста Хрущева «О культе личности» на XX съезде — и то более фундаментальное теоретическое «объяснение» с народом, чем то, что мы имеем. Но это — не некий второстепенный вопрос, который можно «не заметить», именно исходя из отношения к нему задается новый идеологический тренд. Отсутствие мнения, концепции — тоже тренд, тренд хаоса. Его «рожки» мы уже недавно увидели в выступлениях многочисленных радикалов, или кто там они? Это для России не «тот» вопрос, на который можно отмолчаться, здесь «молчание — не золото».

Я уверен, что власть не делает это по двум причинам. Первая, ситуативная, — она считает, что не следует излишне будоражить население

взрывоопасной темой, которая «расколет» общество пополам. В итоге эффект страуса и домино: нельзя затрагивать идеологическую тему, нельзя затрагивать национальную тему (она тоже взорвет общество), нельзя затрагивать тему правоохранительных органов (как же без них), нельзя затрагивать тему «пересмотра истории»... продолжать не буду. Правда, эти причины как бы лукаво предполагают, что ответ есть, но нет подходящего момента его вербализировать.

Вторая причина более фундаментальна и касается напрямую существа дела. Не сказав четко и развернуто, почему старая идеология отброшена, и не сказав, что новая демократия, которую мы строим, неоднозначна и какова же она должна быть в действительности, власть не сказала ничего! Но если сама власть находится в неведении (а как это можно воспринимать иначе), что уж говорить о гражданах, тем более — российских, которые еще не успели отвыкнуть от указаний и директив, с чем хоть немного, но надо считаться. Но «сказать» здесь можно только на уровне концепции, теории, точнее, на уровне (для народа) ясных и понятных выводов из концепции и теории. Что это за концепция? Концепция того самого «демократического общества» которое мы (справедливо) строим! Вернее, две части концепции: первая «От какого наследства мы отказываемся» и «Какое новое общество мы строим». Как ни радостно, но в том, что касается и первой, и второй части, за то время, пока «всемирный» марксизм изолированно существовал, мировая общественная мысль успела (начиная с Бернштейна и Каутского) тысячу раз успешно раскритиковать марксизм и большевизм и развернуто и всесторонне (хотя и не до последней точки) разработать альтернативные варианты различных демократий и демократических практик со всеми возможными оттенками, как на демократическом базаре — «выбирай, что нравится». Даже данная работа является моей попыткой в этом ключе.

Сказать, что Россия теперь «просто строит нормальное демократическое общество», теперь уже мало. Во-первых, потому что сами понятия «демократическое общество», «демократия», при всей их общей однозначности, имеют, как мы видели выше, немало противоречий, характерных даже для классически демократических обществ. Однако сегодня Российская власть, многократно указав на «неполное соответствие» западных демократий, что фактически верно, тем самым «подставилась», ибо, по сути, произнесла, что в этой демократии, которую мы собрались строить, не все так очевидно. И не дает никакого уточняющего ответа! Но все равно строит! Причем, и это надо подчеркнуть особо, не следует забывать, с каким народом (простите

за сравнение — с каким пациентом) мы имеем дело. После Великой Октябрьской «зачистки», пять поколений этой страны (не считая последнего) привыкли даже под физику и биологию подводить «идеологический» базис.

Если Вы думаете, что этими аргументами я хочу власть «загнать в угол», то ошибаетесь. Я думаю, что Российская власть сегодня, на самом высоком уровне, даже в лице двух персоналий, способна вполне квалифицированно, почти на теоретическом уровне дать требуемые ответы. Не говоря уже о том, что в таком формате (персонально) ей и не надо это делать. В России легко найдутся (точнее, в огромном количестве имеются) философы, социологи, футурологи, которые готовы такую концепцию разработать. Точно так же, как это делается в США и других западных странах

Морально и идейно необходимо более четко на государственном уровне объяснить, «от какого наследства мы отказываемся». Мало нам бесконечных оправдательных метаний от одного разрушенного памятника «войнам-освободителям» к другому по всей Восточной Европе? Мало нам объяснений с чеченским народом, что не Путин депортировал чеченцев в Казахстан, а наш-ваш интернациональный бессмертный вождь-горец? И что в подвалах Лубянки и Бутырки из уст дознавателей русская речь часто звучит с латышским акцентом. И более того, что даже коммунистическое Евангелие (извиняюсь, «Манифест») не от Ленина, а от другого, совсем не российского дяденьки! А «по протоколу» ответственным «за все» до сих пор, в силу этого стыдливого молчания, числятся Россия да Российская Федерация. Ну не Грузия же, в конце концов? Нелепица, путаница, «не надо ворошить»? Ну-ну... На 25-м году Перестройки так по большому счету и непонятно, чего не хватает: ума, смелости, фактов, или логики? Идеально, если бы это было отражено на уровне Конституции или даже правовых актов, например, об уголовном преследовании за идеологии радикально левого толка. Но если не на этом уровне, то хотя бы на уровне часовой отдельной беседы высшего должностного лица России, в которой внятно бы прозвучало отношение к этому «наследству». До тех пор, пока это не происходит, каждый волен трактовать молчание как возможность преемственности. Более того, официальные лица

на преемственность все время намекают. А вот простой смертный, даже очень смысленный, не всегда может отличить, то ли речь идет о преемственности победы во Второй мировой войне, как защиты Российского отечества, то ли о преемственности идеалов нестигаемого сталинского руководства (снова упомяну телепроект «Имя России»). Ответы на все эти вопросы на уровне научной литературы уже даны, их просто надо в корректной, но четкой форме в правильном месте озвучить. На адекватном языке такая ситуация называется «отсутствием политической воли».

Мелочь это или нет на фоне авральных проблем отставания экономики?

Строить надо то, в чем есть внутренняя и внешняя потребность России. Казалось бы, естественная внутренняя потребность России, как мы сказали выше, — построить «нормальное демократическое» общество, а внешняя — встать в ряд цивилизованных стран цивилизованного сообщества. Благородные и правильные задачи. Правда, последние уже почти четверть века (со времен Перестройки) с решением этих задач все какие-то непреодолимые проблемы. Внутри общества демократия не строится, а что касается цивилизованного международного сообщества, так то ли Россия ему не подходит, то ли ее там вовсе не ждут. Одним словом, какой-то тупик и стагнация. Как же двигаться вперед? Что или кто мешают? У власти нет ответа, нет намерения или нет смелости? Однако безмолвие, вакуум рано или поздно (в случае России — уже поздно) всегда заполняется не одним, так другим. Свидетелями чего в отношении России последнего времени мы и являемся.

В последнем послании президента Федеральному собранию 1-го декабря 2010 года, не считая важного заявления о возможности нового витка вооружений, большая часть обращения была посвящена конкретным частным вопросам защиты детей. Другие вопросы прозвучали скорее как дежурные тезисы. А через несколько дней в связи с событиями на Манежной площади в пору было вводить в Москве чрезвычайное положение.

Пока что для преодоления той вековой катастрофы, какую переживает Россия до сегодняшнего дня, тех усилий, которые прилагают сегодня российская власть (в первую очередь) и сами россияне, абсолютно недостаточно.

Литература:

Джордж Сорос. Эпоха ошибок. Мир на пороге глобального кризиса. – М.: ООО Юнайтед Пресс, 2010. – 202 с., стр. 200. (1)

Элен Каррер д'Анкосс. Незавершенная Россия. – М.: Росспэн, 2010, стр. 201. (2)

Герберт Уэллс. Россия во мгле. – М.: Прогресс, 1970, стр. 18 – 19. (3)

Иван Бунин. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. – М.: Советский писатель, 1990, стр. 156. (4)

Н. Валентинов. Встречи с Лениным. – Нью-Йорк, Изд. Имени Чехова, 1953. (5)

Борис Кагарлицкий. Политология революции, Алгоритм, 2007, стр. 574. (6)

Ленинский сборник, т. XVIII, с. 202; цит.

Дмитрий Волкогонов. Ленин. Политический портрет, кн. 1, – М.: АО Издательство «Новости», с. 357 (7)

Евгений Гусяров. Ленин в жизни. – М.: Олма-Пресс, 2004, стр. 345 (8)

Евгений Гусяров, стр. 336-340 (9)

Доминик Ливен. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.: Европа, 2007, стр. 630. (10)

Пол Кругман. Кредо либерала, – М.: Европа, 2009, стр. 287. (11)

Наталья Нарочницкая. Россия и русские в современном мире. – М.: Алгоритм, 2010, стр. 365 – 366. (12)

В.В. Ильин. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Издательство Московского Университета, 2000, стр. 125. (13)

В.В.Ильин, стр.140 – 141. (14)

Бжезинский З. План игры: геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР. – М., 1986; цит. по Михаил Леонтьев. Большая игра, Полиграфиздат – Москва.: Астраль – СПб, 2008, стр. 207. (15)

Доменик Ливен. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.: Издательство «Европа», 2007. стр. 635. (16)

Ливен, стр. 142. (17)

Ливен, стр. 141 – 142. (18)

Ливен, стр. 19 – 20. (19)